

МИХАИЛ ДОРИН

АВИАТОР 8
НАЗАД В СССР

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 8

«Автор»

2024

Дорин М.

Авиатор: назад в СССР 8 / М. Дорин — «Автор», 2024

Командировка в Афганистан подходит к концу. Перспективы у старшего лейтенанта Родина самые светлые. Но путь к вершинам лётного мастерства никогда не бывает лёгким. Приближался конец 1981 года. Военная операция на западе Афганистана вошла в свою завершающую стадию. Разгром и окружение группировки «двух львов» Масуда и Исмаила не за горами. Граница перекрыта, а советские войска штурмуют укрепрайоны. Ход самой длинной войны в истории Советского Союза изменён.

© Дорин М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 8

Глава 1

Команда прозвучала настолько громко, что по коже побежали мурашки. Будто мы в ринге и нам сейчас дали разрешение начать поединок.

Ручку управления резко увёл вправо, педали соразмерно отклонил в направлении разворота и стремительно начал пикировать. Краем глаза увидел, как в воздухе расцвели вспышки диполей от снарядов и ловушек, выпущенных парой Томина.

– Снижаемся, – тяжело говорил Валера, которого, как и меня, перегрузка слегка прижала к креслу.

Я даже говорить при таком пикировании не могу, а он ещё командует.

– Первый, первый, – даёт нам команду Тomin.

Значит, будем действовать по первому варианту развития событий. За нашей с Валерой парой никто не пошёл. Теперь в расчётное время следует выполнить разворот и горку, чтобы выйти под ракурс 4/4 к группе противника.

Под собой наблюдаю высохшее русло реки Герируд и отдельные барханы. Пока мы над территорией Афганистана. То, что было нужно сделать в первую очередь, у нас получилось. Затянули в афганское воздушное пространство иранцев. Снижаться нужно ещё, чтобы уйти ниже уровня обнаружения локаторов иранских радиолокационных постов.

В ушах раздался звук сирены, будто нас с земли сейчас кто-то облучает. Либо, всё пошло по другому плану.

– Вариант два! Повторяю, вариант два! – кричит в эфир командир. – Двое пикируют за вами.

– Понял, – отвечает Валера. – Внимание, вправо набор, паашли! – командует он, и мы начинаем выполнять манёвр.

Слегка просели по высоте, оставляя под собой песчаные барханы. На предельно-малой высоте нам делать нечего, поскольку иранцы купились на наш манёвр. Теперь группа Томина стала атакующей, а мы приманкой.

– Форсаж! – говорит Валера. – Отсчёт!

Перегрузка вдавила в кресло, дыхание слегка сбилось, а уши гложут от постоянной сирены. Нам нужно выдержать 30 секунд до момента следующего манёвра. Мозг сейчас просчитывает разные варианты, но желание уйти из зоны захвата иранцев перебивает все мысли.

– Держим, секундомер включён, – говорю я, еле шевеля губами.

– Отстрел! Отстрел! – кричит Гаврюк и автомат выстреливает светящиеся диполи ловушек.

Форсаж выключили. Время подходит к началу манёвра. Высота уже больше 7000 метров. Пока что мы рядом с границей, но ленточку пересекать нельзя. Противник должен быть на нашей территории.

– Внимание! Манёвр! – командует Гаврюк.

Прикрывшись отстрелом ловушек, выполняем переворот и уходим вниз. Сирена моментально пропадает. Пара Томина делает то же самое.

Заняли расчётную высоту и снова пошли в набор. Сил пока хватает справляться с такими манёврами, но впереди ещё сам бой. На близком расстоянии. Ещё несколько секунд и мы увидим Ф-14.

– Цель вижу, захват! – докладывает Тomin.

– Вижу цель! – вторит ему Гаврюк.

Визуально перед нами в разомкнутом строю пара «Томкэтов» в своей песочно-камуфлированной расцветке. Следуют нам навстречу и немного правее. Однозначно ищут нас на экранах своих бортовых радиолокаторов.

Томин своей парой выполняет манёвр «Вилку», но срывает захват. Валера пока ждёт момента, чтобы дать команду мне.

– «Крыша», влево, паашли! – командует он, и мы размыкаемся в разные стороны.

Гаврюк уходит вправо, выполняя разворот на свою цель в горизонте без изменения высоты. Я боевым разворотом ухожу выше. Сбросил обороты, чтобы быстрее выйти в хвост своему противнику. Вот он передо мной.

– Вижу! – докладываю я.

– Захват! – сразу за мной повторяет Гаврюк. – Пуск!

– Запретил! Отставить! – раздаётся громкий крик в эфире, но это уже ничего не изменит.

Валера пускает ракету, однако та попадает в завесу ловушек. Иранцы продолжили маневрировать, разомкнувшись между собой.

– Запретил! Пуск запретил! – кричит нам в эфир командующий.

А мне кажется, что Хреков бы разрешил. Но сейчас руководит с Ан-26 кто-то другой.

Пошёл ещё один отстрел. Мой оппонент начал уходить выше, но перед ним пронёсся его товарищ. Чуть было не столкнулись два перса! Если быть точным – четыре, поскольку в «Томкэтах» экипаж два человека.

– Работай со своим! Расходимся! – громко сказал в эфир Валера, когда мы пролетели в нескольких сотнях метров друг от друга.

Плотно сел на хвост своему противнику. Всё, как учил великий Покрышкин – высота, скорость, манёвр. Продолжил держать иранцев на линии пуска, но разрешения никто не даёт. Снова что-то согласовывают.

– Они над нашей территорией! Сколько можно, вашу мать?! – надывается Томин, который из-за нерешительности командования упускает свои цели.

Мой противник продолжает пытаться уйти, но я постоянно его держу на прицеле. Движения всё реже получаются плавными.

Оппонент со своим оператором вооружения начинает пикировать вниз. Нельзя дать ему возможности уйти под меня. Переворот, и вот опять он передо мной. Светит своим двойным килём с зелёно-бело-красным кругом – эмблемой иранских ВВС.

Сближаюсь с ним, но снова противник крутанул бочку и отстрелил ловушки. Уходит от меня вверх и выполняет разворот. Ничего! Я ухожу в центр его манёвра и держу на линии прицеливания.

Снова сманеврировал вниз, а я переворот выполнил. Опять он у меня на прицеле. Где команда на пуск?

– Держать на дальности пуска. Атаковать запрещаю! – прорвался в эфир командующий с борта Ан-26.

Что и требовалось доказать! Зато у иранцев по-любому есть разрешение на пуск. Мы же будем их гонять над каменистой пустыней. Пока, конечно, топливо не кончится. И этот момент у нас наступит гораздо раньше, чем у противника.

Мой оппонент, выходит в горизонт и устремляется к границе. Решил отступить, но сопровождать, я обязан. Продолжил преследовать.

Держу на прицеле. Дальность соответствует. Остаётся дожидаться команды, и противник будет поражён.

Иранец начинает крутить змейку, но не так интенсивно, как он маневрировал раньше. Видать, устал или с самолётом что-то. Приказа о пуске нет, значит, и пускай летит дальше.

Такое бегство иранского истребителя можно расценить, как отказ от боя. Значит, сегодня у нас получилось их прогнать. Ф-14 практически пересёк границу, и мне можно расслабиться.

Вижу, как справа от меня на несколько сотен метров ниже, несутся Валера и его противник. Иранец пускает ракету.

– Валера! Манёвр! По тебе ракета! – кричу я.

Небо озаряют вспышки диполей. Ракета влетает в облако и взрывается. Валеры не видно.

– 117й, – запрашиваю я его, но глаз со своего противника не свожу. Он только пересёк «ленточку» и нет уверенности, что сейчас же не вернётся в бой.

– Не могу... разворот сделать. Рядом... взорвалась, зараза, – говорит в эфир Валера.

Заметил, как он пролетел подо мной, с трудом пытаюсь маневрировать. Иранец идёт по пятам и не собирается уходить домой.

– Облучают! – слышу я, в эфире голос Валеры.

Думать тут нечего. Небольшая горка, и выполняю переворот с пикированием. Вот он этот иранец прямо передо мной. Только ближе подойти, и всё. Прицел включён, лампа «Пуск разрешён» горит.

– Облучают! Не могу уйти! – волнуется Валера.

– Валера уже рядом! Вижу тебя! – в эфире голос Томина, но он однозначно дальше меня. Не успеют!

Иранец близко к Гаврюку и готов уже пускать. Или нет? Чего тянет?

– Дальность 9. 117й маневрируй! – громко говорит командующий в эфир, но Валера уже сказал, что не может.

Шкала дальности показывает мне цифру 7. Я могу пускать, но нет приказа. Необходимо сделать выбор: Устав или жизнь товарища?!

– Дальность 8. Уходи, твою налево! – кричит в эфир командующий.

Секунды, а кажется, целая вечность. Во рту пересохло. Воздуха не хватает. Палец на боевой кнопке, и цель в захвате. Ещё километр и иранец пустит ракету по самолёту Гаврюка.

– Пуск, – доложил я и нажал кнопку.

Ракета стремительно уходит вперёд, оставляя белый спутный след. Держу марку на цели. Иранец маневрирует, но слишком поздно. Рядом с Ф-14м взрывается ракета. От самолёта идёт чёрный дым.

– Самолёт противника горит. Повторяю, горит, – спокойно доложил я, наблюдая, как от «Томкэта» отделяются несколько обломков.

– Как горит? Кто пускат? – возмущается командующий.

Будто бы не слышал, что я доложил о пуске. По-другому нельзя было в такой ситуации.

Хлопок. Двигатель иранского истребителя начинает гореть. Оба лётчика катапультируются. Наблюдаю, как они спускаются на парашютах вниз. Как раз над территорией Афганистана.

– Наблюдаю два купола. Лётчики катапультировались. Координаты подскажу, – сообщил я и начал снижаться до 5000.

Сердце бешено сейчас стучит. Моё решение о пуске ракеты может мне дорого стоить. Однако не дороже, чем жизнь моего товарища. Да и ценность показаний этих иранцев может быть достаточно высокой. Вдруг один из них какой-то полковник или генерал. А может быть, и оба.

– Эллипс, 701й, следуя в район падения самолёта. Координаты лётчиков подскажите, – слышу я в эфире голос Хрекова.

Вот и группа эвакуации подоспела! Сейчас их заберут, а то в этом районе сбитые лётчики долго не проживут. Духи не будут разбираться иранцы они или афганцы.

– 701й, 118му, – запросил я Хрекова.

– Отвечаю, – сказал генерал.

– Стою в вираже на 5000 в расчётном районе приземления одного из лётчиков. Ориентир – кишлак Духтар, северо-западнее отметки 1557. Вниз по холмам.

– Понял. Расчётное время прибытия 8 минут, – сказал в эфир Хреков и продолжил общение с командным пунктом.

На этом канале слышу, как Валера докладывает о своём отказе и советы Томина, следующий с ним рядом.

Оранжевые парашюты исчезли внизу. Я начал снижаться по спирали дальше. Виток, ещё один. Подхожу к высоте 1800. Наблюдаю на склоне один из куполов парашюта.

Снизился к самой земле, скорость 600 и выполняю проход над местом приземления. Первый лётчик крутится вокруг своего парашюта, пытаюсь, что-то сделать с ним и уложить в укромное место. А со стороны кишлака приближаются духи.

Не думал, что придётся мне прикрывать теперь ещё и моего недавнего оппонента. Задирю нос, чтобы выйти на большую высоту, и связываюсь с командным пунктом.

– Наблюдаю группу со стороны кишлака. Приближаются к одному из лётчиков, – доложил я и снова выполнил вираж влево.

– 118й, наблюдаешь второго? – запросил Хреков.

– Нет.

Сколько уже я сегодня маневрировал и не упомнить. Тело начинает уставать, а руки забиваться. Край кислородной маски стал мокрым от пота, капающего со лба.

– 118й, обеспечьте прикрытие. Группа эвакуации уже на подлёте, – сказал мне ОБУшник.

– Понял, – ответил я, но прикрывать иранца у меня нечем.

Можно стрелять моими ракетами воздух-воздух, но толку там мало. А пушка заряжена несколько иными снарядами.

Слышу в эфире, как один из Ми-24 группы эвакуации докладывает, что видит на вершине отметки 1557 купол.

– Пройди вдоль восточного склона, – дал команду лётчику Ми-24 генерал Хреков.

Начинаю пикировать на колонну из нескольких белых пикапов и одной цветастой барбухайки. Так, мы звали грузовики афганцев, расписанных различными символами и обклеенными цветастыми орнаментами.

– Вижу его. Лежит, не двигается. Выполняю посадку, – докладывает командир «крокодила».

Захожу на свою цель. Галетник управления оружием вновь переставил на пушку. Начиная стрелять. Секунда, и снаряды закончились. Выполнил проход настолько низко, насколько это было возможно. Естественная реакция местного населения на отстрел противорадиолокационных снарядов – «салют» в мою честь из всего стрелкового оружия.

– 118й, видим тебя. Одного забрали. Второго лётчика наблюдаем. Работаем, – сказал в эфир Хреков.

Выполнил разворот в сторону места приземления и прошёл на безопасной высоте над ещё одним «крокодилом» Ми-24. Вертолёт начал разносить колонну духов, пока Ми-8 Хрекова подбирал иранца.

– Эллипс, 118й готов на обратный. Связь с Янтарём подскажу, – запросил я воздушный пункт управления.

– 118й, займите 6000. Связь с Янтарём разрешил, – ответили мне ОБУшник, и я переключился на канал Шинданда.

Была уже мысль в этом полёте расслабиться, но это чревато. Пока не зарулил на стоянку, всегда нужно быть начеку.

Посадка прошла в штатном режиме. Пока рулил по бетонной полосе обнаружил, что аэродром по-прежнему бурлит и продолжает активно работать.

Только я освободил полосу, как за моей спиной уже начали разгоняться по полосе Су-25е. Вертолёты постоянно висят в воздухе, прикрывая каждый взлёт самолётов. Техники перемещаются бегом, подвешивая авиационные средства поражения, и подготавливают всех к повторному вылету.

На моём месте стоянки небольшое столпотворение. Народ в ожидании моего прибытия и желает знать подробности. А я вот не горю желанием всё это рассказывать. Морально уже готовлюсь к серьёзным разговорам с начальниками.

Одно радует – самолёт Валеры на месте. Сам он ожидает меня с улыбкой на лице, а Дубок уже держит в руках трафарет и краску. Не знаю, стоит ли считать, что я одержал сейчас свою первую победу в воздушном бою?

– Сработал план, Серый! – начал трясти меня Валера ещё когда я был в кабине. – Как ты всё рассчитал?

– С утра же объяснял, – улыбнулся я, встав на ступеньку стремянки. – Главное – это хорошенько подумать.

На бетонке каждый поздравил меня с первой воздушной победой. И вроде надо радоваться, а я всё равно ощущаю некий подвох во всей этой ситуации. Посмотрел по сторонам и не заметил среди собравшихся Гнётова и Барсова.

– А как ты по нему пустил? Валерина ракета вообще ушла в сторону, – интересовался Гусько.

– Всё как учили, – скромно ответил я, поймав при этом задумчивый взгляд командира.

Он, как и я, сейчас понимал, что всё для меня и него только начинается.

– Всем готовиться к повторному вылету. Гаврюк и Родин со мной, – сказал командир и повёл нас в штаб.

Командир молчал и ничего не говорил всю дорогу. Войдя в штаб, он сразу отказал всем в подписании каких-то очередных бумажек.

– Товарищ командир, ну там сроки... – жалобно смотрел на него кадровик через свои большие очки.

– Илюша, подождут твои представления на медали. Успеешь ты себе выписать орден, – отмахнулся от него Валерий Алексеевич. – Не до тебя сейчас. Честно!

– Понял, – расстроено сказал капитан-кадровик и зашёл к себе обратно в кабинет.

Сняв обмундирование, умывшись на заднем дворе в рукомойнике, мы зашли в отдельное помещение, которое явно его хозяин не всегда посещает.

– Рассаживайтесь. Сейчас принесут кипятильник, воды, печенюшек, – сказал командир, указав нам на диван и кресло у дальней стены.

– Товарищ командир, какие перспективы? – спросил Валера.

– Тёзка, ты не мальчик. Если бы ещё Родин спросил, я бы понял, – недовольно ответил командир, бросая на стол белую папку с документами.

Всунул ему всё-таки свои бумажки кадровик!

Командир сел на своё место и быстро просмотрел документы.

Интерьер в кабинете был весьма скудным. Самым дорогим являлся, пожалуй, портрет генерального секретаря Брежнева. В остальном всё по стандарту. Рабочий стол и ещё один к нему придвинутый вплотную с четырьмя стульями. Зеленоватый сейф, карта Афганистана на стене и график натренированности лётного состава. Такой обычно в кабинете у зама по лётной подготовке висит, но у Араратовича в Шиндане точно нет своего угла.

– Разрешите? – открыл дверь долговязый солдат и занёс небольшой поднос с заварником, двумя кружками и пачками с названием «Альберт». Те самые печенюшки из военторга.

– Спасибо. Можешь идти, – сказал командир.

Боец расставил всё на столе, но уходить не торопился.

– Товарищ полковник. Тут передали для старшего лейтенанта Родина, – сказал солдат и вытащил из запясухи небольшой свёрток газеты «Красная Звезда».

Томин оторвался от бумаг и взглянул на меня удивлёнными глазами. Долговязый солдат вытащил, положил свёрток на поднос. Газета с масляными пятнами раскрылась, и комнату наполнил ароматный запах ватрушек.

Блин, сейчас опять начнут мне с кем-то романы приписывать. Потом и вовсе на ком-нибудь женят.

– Откуда? Кто передал? – спросил Томин.

– В столовой повара дали, – чётко доложил солдат.

– Пачку печенья возьми и свободен, – сказал командир.

Солдат выполнил указание, медленно взяв одну из пачек «Альберта».

– Кхм, Родин, ты, конечно, меня извини, но это нечестно, – улыбнулся Валерий Алексеевич.

– Товарищ командир, я не в курсе от кого эти ватрушки, – поспешил оправдаться я.

– Ну-ну. Меня даже так не подкармливают, – продолжил улыбаться Томин. – Валер, что с самолётом?

Гаврюк быстро рассказал характер повреждений. Его МиГ-21 надолго вышел из строя. Крыло теперь придётся менять ввиду повреждений от взрыва иранской ракеты.

Мне был интересен сам ход операции, но Томин знал об этом только урывками.

– Там всё горит. Десант высаживается. Вертолётчики только успевают дозаправиться и тут же лететь обратно.

По его информации 17я пехотная дивизия афганцев выполняет охват укрепрайона и отрезает пути отхода. Два наших полка ведут бои, но данных о продвижении нет.

– Окопались там знатно. Хреков мне ещё вчера говорил, что большие бомбы дальников не дали нужного эффекта, поэтому работают сегодня и бомберы с территории Союза.

За окном послышался громкий гул турбовинтовых двигателей Ан-26 после посадки на полосу. Томин встал со своего места, приводя себя в порядок.

– Значит так, ребя. Сидите здесь и думайте, что будете говорить, – сказал командир и вышел за дверь.

– Серёга, я должен тебе спасибо сказать, – произнёс Валера, подойдя к столу и налив себе чай.

– Ты бы сделал то же самое, – сказал я.

Однако после этих слов Гаврюк слегка замялся. Лицо его не выражало той уверенности, что была раньше. Передо мной будто был подчинённый, а не командир звена. Что-то в нём надломилось в последнее время. Похоже, есть смысл поговорить с ним о проблемах.

Минут десять мы молчали, уплетая ватрушки и запивая их чаем. Телефон у Томина разрывался чуть ли не каждую минуту, а за окном не стихал гул вертолётов и рёв двигателей самолётов.

– Валер, мы тут с тобой вдвоём. Никто ничего не узнает, – решил я первым нарушить молчание, но Гаврюк остановил меня жестом.

– Знаю, о чём ты хочешь спросить. Мне жаль, но ты слишком хорошо обо мне думал, – продолжил говорить Валера, отвернувшись куда-то в сторону. – Я снова испугался, Серёга.

Удивился ли я? Нет, конечно! Просто шокирован таким признанием от Гаврюка.

– Подробнее, Валер.

Командир звена собирался с мыслями. Реально ли такое, чтобы этот мужественный человек, кавалер трёх орденов Красного Знамени признавался в своей трусости?

– Самолёт исправен был и в первый раз, и во второй. Я испугался, – ответил Валера, поправляя свои часы на руке. – Командир знает это. И Гнётов меня раскусил.

Григорию Максимовичу только дай повод. У них и так отношения с Валерой были натянутые.

– И что командир? – спросил я, и Валера вынул из кармана сложенный листок бумаги.

– Это мой рапорт. Написал при нём, а теперь ношу его с собой. Сказал, когда точно решу уйти, тогда и принесу.

– Ну, сегодня же ты не испугался, – сказал я.

– С чего ты решил?

– Иначе не продолжал бы выполнять до конца поставленную задачу, – улыбнулся я.

– Если честно, чуть молиться не начал. К церкви вообще плохо отношусь, а тут вспомнил, что Бог есть.

– Он есть, если в него верить, – спокойно ответил я, и Валера с удивлением посмотрел на меня.

– Серый, ну ты же не можешь быть верующим? Ты же коммунист! – воскликнул Валера.

– Вопросы о вере давай не обсуждать, – сказал я. – Страх – это нормально. Не боится только придурок и лжец. Но лжец однозначно боится. Я сам потею в кабине в каждом полёте. Глаз дёргается, но ничего не поделаешь.

Гаврюк посмотрел на меня пристально, будто не ожидал услышать подобных рассуждений от вчерашнего лейтенанта.

– Иногда я думаю, что ты старше своих лет, Серый. Откроешь секрет?

– Конечно. Во мне сидит почти сорокалетний мужик, который обладает большим жизненным опытом, – со всей серьёзностью заявил я, но Валера только посмеялся над таким признанием с моей стороны.

– Ничего глупее не слышал от тебя.

– Так и знал, что ты не поверишь, – посмеялся я.

Дверь в кабинет резко открылась, и на пороге появились очень серьёзные люди. Хрекова в его боевой экипировке мы сразу узнали. Поляков тоже присутствовал с ещё парой человек, похожих своими «добрыми» лицами на его подчинённых. Сам особист был уже не с таким каменным лицом, которое ему обычно было присуще.

Но все они были явно неглавными в этой делегации. Первым в кабинете вошёл плотного телосложения, но совершенно невысокого роста человек в генеральской фуражке.

– Генерал-полковник Пасечник, заместитель главнокомандующего ВВС, – громко произнёс он, встав напротив нас.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник, – в голос ответили мы с Валерой, подскокив со своих мест.

Это именно он был на борту Ан-26РТ и руководил всеми действиями. Неужто ли операция закончилась?

– Товарищ генерал-полковник, самолёт вот-вот подготовят и нужно снова лететь, – сказал Хреков.

– Знаю, Андрей Константинович. Я хочу взглянуть на того, кто осмелился нарушить мой приказ и пустить ракету по этим иранцам, – злобно сказал заместитель главкома.

– Я, старший лейтенант Родин, – вытянулся я в струнку.

– Значит, ты. А командир, где твой? – спросил Пасечник.

– Капитан Гаврюк, командир звена. Непосредственный командир старшего лейтенанта, – громко сказал Валера.

– Понятно. Ты капитан тоже своё получишь. Мне нужен полковник Томин, – произнёс Пасечник.

– Все на вылетах, товарищ генерал-полковник, – спокойно сказал Хреков. – Сейчас пускай работу свою делают компетентные органы. У нас с вами другая работа.

– Андрей Константинович, мне нужна информация для главного маршала Кутахова. Там весь Кабул на ушах. А что в Москве скажут? – выругался зам главкома и повернулся к нам. – Вам лучше верить и надеяться на хорошее настроение высшего командования. Может, отделяетесь переводом в стройбат.

За спинами послышались быстрые шаги. В кабинет вошёл Томин. Неужели не полетел?

– Товарищ генерал-полковник, командир 236го истребительного авиационного полка полковник Томин, – вышел из-за спин Валерий Алексеевич.

– Ага. Значит, вы полковник со мной и подполковником Поляковым остаётесь здесь. Поговорим о насущном. Вы же двое проследуете на разговор с товарищами оперуполномоченными, – сказал заместитель главкома.

Допрос в другом кабинете получился спокойным. Старлей задавал конкретные вопросы, а мне скрывать было нечего.

– Понятно. И ни от кого никаких команд вы не получали, верно? – спросил особист.

– Верно.

– Что ж, я всё записал, – сказал старший лейтенант, просматривая мою объяснительную.

Старлей вернулся к рассмотрению бумаг, а я попытался прогнуться назад на скрипучем стуле. Это не диван в кабинете у Томина.

– Можете что-нибудь спрашивать. Не стесняйтесь, Сергей, – сказал особист, не отвлекаясь от бумаг.

– Что с иранцами?

– Переживаете? – улыбнулся он, посмотрев на меня.

– Интересуюсь. Будто бы вы не рады, что вам достался такой объект для допроса, – сказал я.

– Ими уже занимаются в штабе дивизии полковника Громова. С Кабула прибыли те, кому они интересны. Кстати, один очень похож на вашего командира звена Гаврюка, – улыбнулся он. – Ничего про Валерия не можете мне поведать?

– Мы ещё продолжаем допрос или как? – поинтересовался я.

– Это я к слову. Возможно, вас вызовет моё основное начальство, и вами будут заниматься, – ответил особист, будто угрожая мне.

– Мне должно быть страшно за себя? – спросил я.

– Нет. А за карьеру свою можете начинать переживать. Она у вас так прекрасно началась, что теперь впору за неё и поволноваться.

Точно пытается мне угрожать. По сути, мне уже надо смириться с тем, что скоро я уеду в Союз. Там меня ждёт либо ссылка в далёкую часть, либо оставят меня на месте, теперь никакая школа испытателей мне не светит.

На столе у особиста зазвонил телефон и он быстро поднял трубку.

– Так точно, – быстро ответил он, продолжая слушать указания. – Есть, – произнёс старший лейтенант и положил трубку.

Теперь уже лицо оперуполномоченного выражало некую тревогу. Несколько секунд он что-то искал на столе, а потом уставился на меня.

– Что, вопрос о моей карьере уже решён? – спросил я.

– Не совсем. Странно, но вас необходимо доставить в штаб дивизии прямо сейчас. С вами хотят поговорить.

Глава 2

Поездка на заднем сиденье УАЗика выдалась напряжённой. Водитель в звании ефрейтора гнал по песчаной дороге, совершенно не заботясь о сохранности подвески автомобиля. С другой стороны, для чего ещё нужен этот вариант советского внедорожника если не для езды по таким ухабам.

Сопровождал меня Поляков, как начальник оперативного отдела дивизии.

– В двух словах расскажите, почему такая срочность с этим вызовом в штаб? – спросил я, но на откровенность Михаила Вячеславовича надеяться было глупо.

– Вы же понимаете, Сергей Сергеевич, что у меня нет для вас подходящего... ответа, – спокойно сказал Поляков, подскочив на кресле от очередной кочки. – У вас Родин есть предположения, почему именно вы удостоены такой... «честь»?

– Похоже, вопрос риторический, – сказал я и Поляков утвердительно кивнул.

За сбитый иранский самолёт грозит международный скандал, пускай и над территорией Афганистана.

Очередной ухаб и Поляков чуть не достал макушкой потолка кабины. Я продолжил смотреть на проносящиеся мимо нас искорёженную технику и разбитые глиняные строения.

Штаб дивизии ничем не отличался от того, что был у нас в пригороде Баграма. Одна лишь разница, что охраны здесь было гораздо больше. Всё же сейчас на западном направлении обстановка гораздо сложнее, чем на восточном.

И это в очередной раз указывает на то, что история войны пошла не так, как я это помню из рассказов ветеранов, учебников и других источников, которые были у меня в будущем. Может, и не продлится этот конфликт для Советского Союза почти 10 лет.

– Остановись тут, – сказал Поляков водителю и он резко затормозил рядом с беседкой напротив штаба. – Выйди.

Ефрейтор заглушил машину и вышел из кабины, хлопнув дверью.

– Что-то конфиденциальное? – спросил я, наклонившись ближе к подполковнику.

– Молча посиди и послушай. В официальной объяснительной ты соврал, утаив устный приказ твоего командира полка, – тихо сказал Поляков, отряхивая чёрный портфель от пыли, налетевшей во время поездки.

Как и было мне сказано, я молчал и слушал. Михаил Вячеславович и не поворачивался в мою сторону.

– Томин сознался в этом и дал официальные показания. В принципе, это может стать для тебя спасением, если ты сейчас перепишешь свою объяснительную. Время у нас с тобой 10 минут не больше, – сказал Поляков, повернулся ко мне и протянул чистый лист. – Заму главкома всё равно кого наказывать, а тебе ещё служить долго.

– Вы знаете мой ответ, Михаил Вячеславович, – сказал я и отклонился назад.

– Сергей, я не знаю, какие вопросы и что у тебя будет спрашивать большое начальство. Но ничего хорошего я не жду. Подумай о себе, а не о мнимых ценностях, – продолжал держать листок Поляков.

Как он это себе представляет? Переписать показания, обвинив во всём командира полка? Как будто это он нажимал на кнопку и не обращал внимания на команды вышестоящего начальства.

– Я уже вам всё написал, – не отступал я.

– Родин, хватит ломать комедию. Сделай, как я тебе говорю, – потряс передо мной чистым листком особист.

– Михаил Вячеславович, мне кажется, вся эта ситуация напоминает комедию. Не выполни я пуск, писал бы вам сейчас объяснительную по поводу гибели капитана Гаврюка. И

скандал международный был бы всё равно. У нас были сведения, что иранцы готовят акцию против нас вблизи границы.

– Вот сейчас ты это всё и расскажешь, – сказал Поляков, убрав листок в портфель. – Сведения были, информация о взлёте тоже, а вот намерения никто не знал.

– В воздухе проверять было поздно. Тем более что самолёт Гаврюка пострадал от пуска ракеты иранским истребителем.

– Репутация Валерия Петровича говорит сама за себя. Не забывай, – намекнул мне Поляков о проблемах Гаврюка.

Видимо, невозможно было утаить от Полякова факты срыва заданий Валерой. Странно, что он его сразу не отправил домой. Есть у Михаила Вячеславовича в нашем коллективе свои связные, у которых он берёт информацию. Что ж, работа у него такая.

– Время вышло, Сергей Сергеевич. Пойдёмте, – сказал Поляков и мы вылезли из УАЗика.

Дежурный на входе объяснил, куда нам пройти. В коридорах штаба было тихо. Темнота в такой светлый день производила впечатление, будто мы вошли в какую-то пещеру.

– Пришли. Жди здесь, – сказал Поляков и вошёл в кабинет с показательным номером 13. Сразу видно, что несуетерные люди в пехоте. В авиации бы уже написали 12+1.

У двери стояли трое солдат в полевой форме с автоматами. Интересная такая охрана у двери, а главное, кто же нуждается в таком военном эскорте.

В голове теперь строились догадки о том, кто же за дверью. Слабое волнение присутствовало. Я понимал, что бесследно мой пуск ракеты пройти не мог. С другой стороны, почему командование пытается сразу вешать на нас ярлык провинившихся. Нет бы готовить заявление о недопустимости вмешательства Ирана в наши дела на территории Афганистана. Припомнили бы им поддержку душманов.

Дверь снова открылась, и Поляков позвал меня войти. Вот сейчас всё и станет ясно.

Внутри гораздо светлее, чем это было в коридорах штаба. Свет падал через большие окна, освещая просторный кабинет, в котором было несколько человек.

За большим столом сидели четверо, один из них был мне знаком.

Это представитель КГБ Сергей Иванович «Бесфамильный», с которым мне довелось работать ещё в Баграме. Очевидно, что с ним рядом сидел переводчик, который тихо беседовал на персидском языке с двумя темноволосыми людьми в лётных комбинезонах «несоветского» образца.

Перед ними два красных шлема с кислородными масками и разорванные клочки карты уменьшенного размера. Экипировка у этих иранских лётчиков явно лучше, чем у нас. Такие болотного цвета комбинезоны вряд ли выгорают и протираются. На плечах у каждого были вышиты тёмные погоны с четырьмя жёлтыми звёздами в ряд.

– Джалил, вы нас кое о чём попросили. Вот тот, кто вам нужен, – произнёс Сергей Иванович и указал в мою сторону.

На меня посмотрели два загорелых иранца. Один из них был действительно вылитый Валера с такими же густыми усами. Он опять повернулся к переводчику и что-то спросил на своём языке.

– Капитан просит разрешения подойти ближе к этому лётчику, – перевели Сергею Ивановичу слова иранца.

– Да. Вам разрешено подойти к нашему лётчику, – сказал Сергей Иванович и переводчик, встав со своего места, подошёл ко мне.

За ним встал и иранец. Подойдя ближе он окинув меня оценивающим взглядом. Странное ощущение, будто на меня смотрит очень знакомая мне фотография. На память я не жалуясь, однако вспомнить это лицо у меня не получается. Иранец начал говорить, а переводчик переводил его слова.

– Меня зовут Джалил Зандий, капитан ВВС Исламской республики Иран, авиабаза Хатами.

– Добрый день, – ответил я, сглотнув ком в горле и немного опешив от того, кто передо мной.

Вот теперь моя память сработала чётко! В своё время я не только изучал историю авиации своей страны, но ещё и про остальной мир не забывал.

Передо мной, конечно, не легенда авиации. Но это один из лучших асов мира после Второй мировой войны. Джалил Зандий, в будущем бригадный генерал, герой Ирано-иракской войны. Самый результативный лётчик-истребитель в истории, летавший на Ф-14 «Томкэт». Удивительно, что таким достижением обладает не американец.

Похоже, что я нарушил его безупречный послужной список. Хотя в конце войны он будет сбит, но выживет. Погибнет он в автокатастрофе в не самом преклонном возрасте. А может уже и не погибнет? Ведь история меняется.

– Я могу узнать ваше имя, господин? – спросил у меня Зандий.

– Меня зовут Сергей, – ответил я и переводчик перевёл Джалилу мой ответ.

– С начала войны я одержал пять воздушных побед и сегодня мог записать на свой счёт шестую, но вы смогли меня победить. Как вам это удалось, ведь вы очень молоды?

– Меня хорошо обучили. Плюс везение, – ответил я.

Зандий выслушал ответ, широко улыбнулся и протянул мне руку. Поляков слегка удивился, а Сергей Иванович резко встал со своего места, чтобы посмотреть. После небольшой паузы Михаил Вячеславович кивнул мне, и я крепко пожал руку своему недавнему противнику.

– Надеюсь, что удача будет вам всегда сопутствовать, – сказал Зандий и вернулся на своё место в сопровождении переводчика.

Сергей Иванович махнул Полякову и тот вышел со мной за дверь.

– Об этой встрече никто не должен знать, понял? – спросил у меня Поляков и я молча кивнул. – Скажи водителю, чтобы он отвёз тебя обратно. Твоя командировка продолжается.

– А что с остальными? – спросил я.

– Ничего не было. Сергей Иванович со всем разберётся, – ответил Поляков и снова исчез за дверью кабинета.

В машине я попытался построить догадки насчёт причины всего произошедшего. Могло ли быть такое, что КГБ элементарно использует сейчас этот случай в своих целях? Или всё так и было задумано?

Тем не менее, мне снова повезло в этом времени встретить легендарного человека. С некоторыми, как с Зандий, удалось и лично пообщаться. Только не хотелось бы больше таких поводов для встречи, как воздушный бой.

На улице уже стемнело. Когда мы ехали в направлении лётного поля, интенсивные передвижения уже закончились. В воздух поднялась одна пара штурмовиков Су-25, если судить по характерному звуку двигателей и отсутствию следа от розжига форсажа.

Я попросил водителя, высадить меня около штаба, чтобы была возможность, хоть с кем-то переговорить об итогах сегодняшнего дня.

В штабе, кроме, командира никого не оказалось. Он сидел в своём кабинете, задумчиво разглядывая карту Афганистана.

– Валерий Алексеевич, разрешите войти? – спросил я, постучавшись в открытую дверь.

– Да, Сергей. Проходи. Чай будешь? – спросил Томин, отхлебнув из кружки с рисунками клубники.

– Спасибо. Я...

– Так и знал, что будешь. Наливай, – указал он мне на тот самый поднос, который нам сегодня приносили с Гаврюком.

Пачка печенья была открыта, а ватрушек почти не осталось. Появилась на подносе и вазочка конфетами. Были в ней и «Белочки», и карамель «Взлётная», и «Мишка косолапый». Как будто берёт командир такое лакомство на особый случай.

– Присаживайся, – указал он мне на кресло, когда я налил себе чай. – Где был?

– В штабе дивизии, – быстро ответил я.

– С кем общался?

– Поляков и его начальство.

– О чём говорили? – поинтересовался командир, но по моему серьёзному взгляду он понял, что на этом ответы закончились. – Понятно. Сказать не можешь.

– Товарищ командир, вы взяли на себя вину? – спросил я.

– Я бы это так не называл. Просто сказал заместителю главнокомандующего, что ты выполнял мой устный приказ. Его это объяснение удовлетворило, – ответил Валерий Алексеевич, подмигнув мне.

– Вы уж простите, но я сомневаюсь, что он теперь нас оставит в покое.

– Конечно, ребя! – воскликнул командир. – Сказал, что меня ожидает перевод после войны в «очень тёплую» задницу. Так что на твою карьеру и путь в испытатели сегодняшний инцидент не повлияет.

– Но пострадаете вы. Вряд ли вы себя видите в том месте, куда вас обещал отправить заместитель главкома.

– Родин, ты меня за кого принимаешь? Я никогда не буду ради карьеры прятаться за спинами своих подчинённых, – стукнул по столу Томин с такой силой, что у заварника на подносе подскочила крышка. – Если командование считает, что сбить истребитель, который угрожает моим лётчикам – преступление, значит, мне с таким командованием не по пути.

Разоткровенничался Томин. Не боится, что я могу быть стукачом. Спокойно при мне выражает недовольство.

Командир нашего полка хоть и своеобразный, но справедливый. Интересно, есть ли способ как-то помочь ему?

– А если вас не переведут? Ну, передумает заместитель главкома, – предположил я, перебирая в голове знакомых, которые могли бы замолвить словечко.

На ум сразу приходит дед Виталика маршал Павел Фёдорович Батицкий, который на данный момент является депутатом Верховного Совета СССР. Где только искать моего друга, с которым мы плохо расстались в прошлый раз?

– Хм, ребя, а ты не внук Кутахова? – с издёвкой спросил командир.

– Вы же знаете, что нет, – улыбнулся я.

– Жаль. Я уж надеялся, – продолжил воображать Томин. – Думай о себе, ребя. Как только операция закончится, сюда поедут члены Военного Совета, кадровики, тыловики и прочие желающие, ухватить себе кусочек регалий. Тут мы с тобой быстро и протолкнём твой рапорт на поступление в испытатели командующему авиацией округа, идёт?

– Вы думаете, меня в таком юном возрасте возьмут? Мне только недавно присвоили старлея и второй лётный класс...

– Кстати, который ты до сих пор не обмыл, – указал на меня пальцем Томин. – Возьмут. Тот подполковник-испытатель, что был у нас вчера вечером, интересовался тобой. Он, кстати, старший лётчик-инструктор школы испытателей во Владимирске.

Вот так да! Это я хорошо попался на глаза вчера. Ещё и похвалы удостоился от такого человека.

– Полагаете, есть шанс поступить туда? – спросил я.

– Всё в твоих руках, ребя. Я не буду препятствовать и постараюсь помочь, насколько позволит моё влияние и связи. Правда, после сегодняшнего разговора с заместителем главкома, оно может тебе сыграть во вред, – посмеялся командир.

– Поговорили на повышенных?

– Я молчать и юлить не стал. Хреков сказал, что он так не умеет, – ответил командир и сказал заканчивать с чаепитием.

На служебном УАЗике Томина мы доехали до модулей и разошлись по своим местам проживания. Подойдя к двери своей комнаты, я услышал удивлённые возгласы изнутри.

– И как это понимать? – доносился возмущённый голос Барсова. – Чем я хуже?

– Марик, ты же залётчик. Плюс главпахарь по женским полям, – отдёргивал его Гусько.

Снова чем-то недоволен Марк. Я вошёл в комнату.

Наш замполит и Валера лежали на кроватях, а Марик стоял возле стола у окна и что-то жевал. Увидев меня, он с трудом проглотил пищу и настороженно окинул взглядом.

– Серый, я не специально, – начал оправдываться Барсов.

– Конечно, специально, – поправил его Валера.

– Я правда думал, что это мне, – продолжил объясняться Марик.

– Конечно, не думал. Не умеет, – иронично заметил Савельевич.

– Ну, а кому ещё могли принести? У Серёги ведь никого постоянного нет, – возмущался Марк, подпрыгивая на месте.

– Постоянно у меня только голова от тебя болит. Чего ты тут скачешь, мальчик-красавчик? Говори нормально, что случилось? – резко сказал я и Марик успокоился.

– Пришли мы, а на столе вот это, – отошёл в сторону Барсов и показал кастрюльку на столе.

В ней была большая порция картошки с несколькими кусочками селёдки и лука. Последний, судя по всему, был маринованный.

– И? – поинтересовался я.

– Я подумал, это мне Фрося подгон сделала. Она уже готовила такое для меня. Решил я поужинать ещё раз, а то в столовой опять гречка с тушёной были. Лёле поулыбался. Хотел её на вкусняшку развести, а она отказала, – объяснил Марк.

– Не отказала, а послала тебя. Вводишь в заблуждение Серёгу, – снова поправил его Гусько.

– Ну ладно. Если это твоё, то приятного аппетита, – сказал я и направился к кровати.

– Так именно, что тут записка, что это именно тебе. Пишут, что из штаба. А я не прочитал и почти всё съел, – утёр Барсов лицо от остатков картошки.

– Серый, знай! Он хотел твоей голодной смерти. Пока тебя там допрашивали, он тут твой подарок ел, – сказал Валера.

Барсов жалобно смотрел на меня. Видно, что мальчик хочет есть. Раз это моё, стоит мне самому поделить на всех. Остатка хватит для небольшого перекуса.

– Тарелки неси, Марк. Второй ужин у нас сейчас будет, – сказал я.

– О! Вот это хорошо сказал! – хлопнул в ладоши Гусько и потянулся к тумбочке. – Между прочим, тебе Серый положены сто грамм за сбитый, – улыбнулся Савельевич, достав бутылку «Московской» водки с зелёной этикеткой.

– Евгений Савельевич, я не пьющий. И завтра работать, – посмеялся я, раскладывая по принесённым Марком тарелкам картошку.

Как только всё было поделено, товарищи подсели к столу. Гусько, всё же, выпил немножко для аппетита. Его в этом деле поддержал Валера. А вот Барсов был чем-то расстроен, смотря на тарелки остальных.

– Чего-то ты неровно поделил, Родин. Жлоб ты, – возмутился он.

– Правильно. Ты же уже три картошины съел, пока Серый не пришёл. Всё по-честному, – посмеялся Валера, и мы продолжили свою вечернюю трапезу.

И всё-таки становится интересно, кто такие подарки мне присылает? В записке указано, что из штаба. Неужели Ася решила пойти по самому короткому пути к сердцу мужчины через желудок? Вот завтра и спрошу после постановки задач.

А спросить не получилось ни завтра, ни послезавтра, ни ещё неделю. Ритм этих дней был страшнейший.

Подъём в 3.30, когда ещё афганские петухи видят десятый сон. Темно, как в пещере, но столовая и в это время готова нас покормить своим «фирменным» блюдом – утренней гречкой с тушёной. Наверное, по возвращении в Союз я полностью сяду на «безгречневую» диету.

После приёма пищи проходит быстрая постановка задачи командиром Томиным. Далее ждём актуальную информацию по погоде в районе Шаршари, получаем разведывательные сведения и распределяем новые цели на сегодня. Первые вылеты в предрассветных сумерках, а экипажи оперативно перемещаются на самолёты.

Пока ожидаешь вызова на вылет, время есть полчаса поспать. Никто из старших тебе замечание за это не сделает. Даже командир не разбудит. Он и сам может в кабинете слегка покемарить между своими полётами. Главное – быть готовым по времени к своему вылету.

На стоянке всегда в готовности восьмёрка наших самолётов плюс два в резерве. Ещё одно звено с ракетами «воздух-воздух» для вылетов на прикрытие нашей авиации от иранцев.

Однако за неделю ни одного инцидента. Крутятся «Томкэты» в двадцати километрах от границы с Афганистаном и ближе не подходят. Даже прицелы не включают, чтобы попутать нас.

Очередной мой вылет на прикрытие наших экипажей закончился успешно. Штурмовики дома, отработали полностью, вернулись целыми и невредимыми. Зарулив на стоянку, медленно открыл фонарь и понимаю, что голова соображает слабо. Усталость накапливается.

– Сергеич, конфетку скушай, – показал мне на нагрудный карман Дубок, когда поднялся по стремянке.

– Не помогает чего-то, – сказал я, но конфету, всё же, достал.

Развернул карамельку, в обёртке с изображением желудей. Медленно положил её в рот и с удовольствием съел. Пожалуй, на всю жизнь «Дубок» теперь стали моим любимым лакомством.

– Полегчало? – улыбнулся Елисеевич.

– Как и всегда, – кивнул и стал отстёгиваться от кресла. – Ненадолго только. Еды бы нормальной, а то в столовой одна только гречка за прошедшую неделю.

– Тю! Зажрались вы товарищ старший лейтенант, – с укором сказал мне Дубок. – Лётному составу, грех жаловаться на еду. Да и нам техникам тоже.

– Согласен. Как представляю, что ребята на передовой едят, передёргивает, – согласился я, но представить себе могу каков именно там рацион.

Не так уж давно и мне приходилось питаться на заданиях чем придётся, да беречь запасы из сухого пайка. Честно сказать, пить на боевом задании хочется больше.

На одну из рулёжек коряво начинает заходить Ми-8 с чёрным шлейфом из отсека двигателей. Со всех сторон уже к нему едут «пожарные» ЗИЛы и комбинированные поливомоечные машины КПМ той же марки с большими щётками между мостами колёс. Боковая сдвижная дверь вертолёта открылась, и из грузовой кабины стали выползать «песчаные люди». Воздушный поток от винтов сдувал с них пыль, которая летела в разные стороны.

Именно так можно обрисовать внешний вид бойцов этого спецотряда. У большинства отпущены бороды. Почти никого славянской национальности. Одеты не в советскую форму, а в одеяния духов. Вместо сшитых разгрузок «лифчиков» для переноски боекомплектов, эти парни экипированы трофейными жилетами китайского производства.

– Странное у них обмундирование, – заметил Дубок. – Чем их наши разгрузки не устраивают?

– Они стараются выглядеть как духи. На ногах даже обуты чабли. Сандалии значит, – объяснил я, указывая на обувь у наших бойцов.

Из грузовой кабины прыгнул на бетонную поверхность пленный. Издалека его профиль был мне очень знаком, но стоит рассмотреть получше. Я решил пойти наперерез бойцам, которые его сопровождали, чтоб убедиться в своей теории.

– Братишка, нечего на него глазеть, – остановил меня один из бойцов, когда я подошёл к ним ближе.

За спиной послышался визг тормозов машин. Несколько УАЗиков и один ГАЗ-66 остановились, чтобы в них загрузились бойцы.

– Взяли, значит. Молодцы, – похвалил наших бойцов полковник Громов, вышедший из машины.

Рядом с ним появился и тот самый Лазарев Александр Иванович, командир отряда «Каскад». Ему один из бойцов протянул что-то замотанное в брезент. По очертаниям похожее на винтовку.

– Народ надо убрать, – донеслось до меня, когда солдаты из ГАЗ-66 стали оттеснять собравшихся поглазеть на пленного.

Перед тем как афганца оградили от нашего чрезмерного внимания, я успел разглядеть его. Очень важную птицу поймали наши ребята.

Пленный держался уверенно и оглядывался по сторонам, злобно улыбаясь. Одет он был в одежду голубого тона и серую жилетку. На груди пустая разгрузка с множеством заклёпок, выложенных в какой-то специальный узор. А на голове присуща этой личности шапка-паколь или просто пуштунка.

Для меня теперь стало окончательно ясно, что ход войны в Афганистане для Советского Союза теперь изменился. Ахмад Шах Масуд, легендарный «Панджшерский лев» попал в плен.

Глава 3

До конца дня разговоры на базе были только про Ахмад Шаха. Каждый, кто заходил в наш класс в штабе, сразу получал повод для удивления, ведь момент прибытия Масуда видели далеко не все лётчики.

– Я вам говорю, что это ещё не конец, – сделал заключение Гусько. – Масуд фигура серьёзная, но у духов полевых командиров много.

– Да какая разница, сколько их там?! – отмахнулся Барсов. – Всех поймают. А кого не поймают... ну, тут уж достанем мы, – разводил руками Марк.

– Вот же пустозвон! – качал головой Валера. – Чем ты доставать их собрался?

– Как чем? Есть у нас способы и средства! ФАБ, БетАБ, ОДАБ и так далее, – перечислял номенклатуру вооружения Марик.

– Видишь ли, наш юный любитель всех БАБ, – начал Гусько, подходя ближе к Барсову. – У больших самолётов не получилось должным образом взломать укрепления во время бомбардировки. Наша мощность удара с ними несопоставима.

– Товарищ майор, да вы не верите в мощь советского оружия? – иронично заметил Гаврюк.

– Я, товарищ капитан, смотрю на вещи не через розовый светофильтр и трезвым взглядом, – улыбнулся Гусько, и по классу прокатилась волна смешков. – И ничего смешного! Не удивляйтесь, что я употребил слово «трезвый».

Естественно, всем на ум пришли знаменитые вставки про возможность выпить от замполита.

– Евгений Савельевич, вы уж извините, но из вас замполит так себе, – улыбнулся Валера и по классу пронеслась волна смеха. – И выпивку не критикуете, и отечественные бомбы забраковали.

Гусько обижаться не стал и присоединился к обсуждению этой шутки. Действительно, Савельевич своеобразный. По сути, своим высказыванием он разом подорвал веру в самолёты, на которых мы летаем. А по правде – так оно и есть.

– Единственное, чем наши удары лучше бомбардировок «туполей», так это точность, – заметил Бажанян. – Как и штурмовики, так и МиГи, мы можем ближе подлететь и сбросить. Правда и получить можно сразу по первое число от духов.

В класс вошли двое вертолётчиков, активно обсуждающих свой полёт. Это те ребята, которые и привезли пленного Масуда. Со всех сторон сразу посыпались вопросы – что и как произошло.

– Да мы то, что? – удивился командир вертолёта, которому тут же поднесли кружку чая и предложили сигарету. – Слетали, подобрали, доставили.

Вертолётчики рассказали, что бойцы «Каскада» вышли на ту самую пещеру, где прятался Масуд. Самого полевого командира взяли живьём, хотя он и отстреливался долго.

– И ни одного ранения не получил? – удивился Бажанян.

– Ни царапины. «Каскадёры» сами сильно удивились, – ответил командир вертолёта, назвав бойцов «Каскада» их общепринятым прозвищем.

Вот уж и, правда, везунчик! Масуд – являлось одним из прозвищ «панджшерского льва». Оно, в переводе с арабского, означает «счастливый».

– Духи в этих горах везде. За каждым камнем, скалой, холмом и верблюжьей колючкой, – делился своим впечатлением командир Ми-8.

– По нам с ДШК отработали. Левый двигатель сразу в отказ. Дым, пожар и в ушах сирена орёт, – жестикулирует лётчик-штурман вертолёта, который является на борту правым лётчиком.

– Ну а Масуд чего? – спросил Гусько.

– Мне, как бы некогда было на него смотреть, но бортовой техник говорит, что улыбался всю дорогу. Непрошибаемый мужик вообще, – ответил лётчик-штурман.

– А что за свёрток был? – поинтересовался я. – В брезент что-то завернуто было.

– О! Это гордость спецов! Они весь полёт рассказывали бортачу, что они смогли добыть, – ответил командир вертолёта.

Как я и думал, предмет, завернутый в брезент, являлся винтовкой. Если верить её описанию от вертолётчиков, это та самая М500 американского производства. Похоже, что «каскадёрам» из отряда КГБ удалось найти оружие, из которого был убит наш коллега-штурмовик.

– А что с этим снайпером? – спросил один из лётчиков Су-25х.

– Думаю, что ничего, – задумчиво сказал лётчик-штурман. – Ничего не осталось от него. Парни сказали, что гранатами закидали.

После этих слов в классе повисла тишина. Думаю, у каждого в душе было ощущение, что справедливость восторжествовала и месть свершилась.

Я же всё больше стал понимать, насколько круто повернулась история Афганской войны. Ведь КГБ и правительство СССР однозначно использует инцидент на границе в качестве давления на Иран. Возможно, прекратится поддержка со стороны Исламской республики оппозиции в Афганистане. Тогда, лишённые союзников за спиной, душманы будут не в состоянии оказывать серьёзное сопротивление. По крайней мере, на западном направлении.

Вечером в нашей комнате продолжилось обсуждение ситуации в Афганистане. За кружкой чая с моей стороны и небольшого количества спиртного со стороны Гусько и Барсова, пришли к мнению, что ничего ещё не решено в этой войне.

– С Ираном разобрались, а Пакистан как же? – спросил Марк, накладывая себе на хлеб кильку в томате.

– Если верить докладам с той стороны, то там всё более менее спокойно. Есть очаги напряжения, но «зелёные» пока держатся, – сказал Гусько, закусывая «техническим апельсином», то есть зелёным маринованным помидором.

– А я в Баграм снова бы слетал! – мечтательно заметил Марик. – Там Светка. Железобетонный вариант! Заодно и духов погоняем.

– Там пускай местные разбираются. Как по мне, то интернациональный долг я выполнил сполна, – недовольно произнёс Валера, который от трапезы сегодня отказался.

– Ну ты чего, Петрович? – удивился Гусько. – Не по-нашему так говорить. Устал в командировке?

– И устал, и надоело, – ответил Валера.

Я поставил на стол свою чашку и повернулся к нему. Гаврюк читал «Правду», датированную 17 октября этого года. На первой странице призыв к трудящимся повысить производительность труда с фотографией шахтёров. Чуть ниже указ Президиума Верховного Совета СССР о созыве, как это ни странно, Верховного Совета на 17 ноября. А главное, по мнению редакторов этой газеты, было подчеркнуть высокую миссию... театра!

– Валер, ты устал. Поспи немного, – сказал я, но меня остановил Гусько. Похоже, что Евгений Савельевич решил «включиться» в работу согласно своей штатной должности.

– Петрович, я перед молодёжью не постесняюсь и выскажу тебе. Ты чего дисциплину разлагаешь? Чем ты недоволен? – встал со своего места Гусько и подошёл к Валере. – Тебе мало проблем?

А это был, похоже, намёк на ту самую беду Валеры, за которую командир его оставлял вне полётов. С каждым разом круг посвящённых в эту тайну увеличивается.

– А я сейчас покажу! – воскликнул Гаврюк и развернул газету. – Смотри, про театр пишут! Что дальше? Ого, спасибо от Республики Ангола! – показал Валера статью на второй странице.

– И что тебя в этих статьях не устраивает? – громко спросил Гусько.

– Погоди, Савелич. Смотрим дальше. Пишут про Польшу, Вьетнам, Мексику, Францию, КНДР. Вон сколько стран газета «Правда» охватила своим вниманием! А знаешь, чего тут нет? – смял газету Валера и швырнул в мусорное ведро.

– Знаю. Но...

– Правильно, – перебил Валера Савельевича. – Не пишут, как ты, я, Родин, Барсов и все остальные каждый день гробим себя на этой жаре и свою задницу подставляем под ракеты и пулемёты. Ни слова о парнях, которых привозят на вертушках с увечьями и дырками от пуль. И ни строчки о том, что некоторые уже никогда не увидят свой дом, семьи и друзей, – сказал Валера и пошёл к двери, накинув на себя куртку. – Может молодёжь и не понимает, Савелич, но ты меня должен понять.

– Гаврюк, стоять! – крикнул Гусько, вскочив со своего места.

Я успел встать и остановить замполита, чтобы он не рванул за Валерой. Мой командир звена этого не видел, поскольку уже был на пороге, вышел в коридор и громко хлопнул дверью. Тишину в комнате нарушил Барсов своей ненужной репликой.

– Евгений Савелич, надо «Советский спорт» раздавать. Там даже теоретически не будет...

– Марик, лучше умно молчать, чем тупо говорить, понял? – сказал я ему.

– Эм... в смысле? – переспросил он.

Я махнул рукой и пошёл следом за Валерой. Бесполезно что-то объяснять этом стойкому «деревянному» солдатику.

Валера стоял на крыльце и медленно курил «Приму» без фильтра. От одного дыма этих ядерных сигарет можно копыта отбросить, а ему ничего!

– Ты ничего лучше не мог в военторге купить? Обязательно «Приму»? – спросил я, присаживаясь на ступеньку.

– Ничего другого не было. Да и под настроение подходит, – ответил Гаврюк и сел рядом. – Савелич в гневе?

– Будь кто-то другой у нас замполитом, мог бы раскрутить твоё выступление. Обеспечил бы тебе и зрителей, и овации, – улыбнулся я. – Ты как будто первый раз обнаружил, что в газетах тему Афганистана обходят стороной?

– Не первый, но чем дольше я здесь, тем меня это больше бесит, – сказал Валера. – Ты видел себя где-то в другом месте? Не в Советском Союзе?

Ой, и повезло же Валере, что он мне задаёт такие вопросы, а не кому-то другому! Сразу бы попал на карандаш к оперуполномоченному.

– Нет. Куда мне ехать, когда я ещё в нашей стране ещё ничего не видел. Да и не нужна мне граница эта.

– А я вот насмотрелся за время службы. Ничего хорошего не увидел. Как ты думаешь, у них там, на Западе, лучше живётся? – спросил Гаврюк.

Ох, и пугает он меня! Я будто с последователем предателя Беленко сейчас разговариваю.

– Валер, за кордоном, может, и красиво, и цацек много разных. Но мы другие. Настанет время и у нас будет везде Пепси-кола. Только своя, – улыбнулся я.

– У нас людей не ценят. Мы как расходный материал. Почему скрывают от людей правду о войне?

– Время придёт, и все всё узнают. И будут ветераны Афганистана примером для будущих поколений, как для нас с тобой ветераны Великой Отечественной.

– Где-то прочитал умную фразу – свежо преданье да верится с трудом, – произнёс Валера цитату из «Горе от ума» Грибоедова.

– Пошли спать, Валерий Петрович, – похлопал я его по плечу. – Завтра много дел.

– У нас очередной день, как предыдущий – взлёт, форсаж, отход вправо, – махнул Валера, и мы зашли в модуль.

Утро встретило нас шикарной погодой. Небо чистое, ветер штилевой, а на аэродроме уже летают слухи о полной победе в Шаршари. Даже генерал Хреков сегодня больше по земле ходит, чем летает. Правда, это может быть связано с состоянием его вертолёт. Подавляющая часть бортов на задании, а в Шинданде остались только неисправные. Или исправные, но только на бумаге.

Мы с Валерой шли на очередной вылет, когда стали свидетелями очень театральной сцены. Хреков всеми правдами и неправдами лез в вертолёт, но его очень отговаривали от этой затеи.

Генерал собирался лететь на том самом борту, который был подбит во время захвата Масуда. Внешне вертолёт был целым. Скорее всего, один из двигателей нужно было заменить, если уж он загорелся после попадания из духовского пулемёта.

– Я тебя отправлю после Афганистана не в «дыру»... в глубокое дупло у меня поедешь! Знаешь, где это находится? – ругался генерал на зама по инженерно-авиационной службе ИАС вертолётной эскадрильи.

– Так точно! – громко отвечал инженер. – Я в Магдагачи служу, товарищ генерал.

Мда, такого парня уже ничем не напугать. Легендарное место, которое стало синонимом слова «звездец».

– Блин, тебе даже наказание нельзя придумать, с таким-то местом службы. Твою направо! Найди мне вертолёт, живо! – топнул ногой Хреков, и заместитель по ИАС рванул к другим вертолёткам.

– Вы чего встали? – спросил генерал у нас с Валерой.

– Идём на вылет, Андрей Константинович, – ответил Валера.

– А нужно бежать. Хорошей работы, ребят, – пожелал генерал, и мы пошли дальше к своим самолёткам.

Задача у нас была несложная. Выйти в зону ожидания и ждать команды авиационного наводчика. Он опознаёт цель, выводит нас в район сброса, и мы отрабатываем фугасными бомбами калибром 250. У каждого подвешены по четыре штуки.

– Держись на интервале 3 секунды. Всё как всегда. Прицельные данные... – продолжал меня инструктировать Валера, но я остановил его.

– Всё записано, Валерий Петрович. На прицеле всё устанавливаю, – сказал я.

– Мне казалось, что только недавно мы с тобой над плотиной в районе Осмона летали на спарке. Допуск ты получал. А теперь уже и в моих советах не особо нуждаешься, – взъерошил мне волосы Гаврюк.

– Советы твои, Петрович, всегда нужны. Просто мы с тобой такое задание выполняли уже много раз. Ничего особо не поменяется, – ответил я и взглянул на техников под нашими самолётками.

Началась какая-то суeta. С самолётов стали снимать бомбы и в спешном порядке тянуть тележки на склад. У вертолётков тоже забегал народ во все стороны.

– Это «жжж» неспроста, – предположил я, и Валера утвердительно кивнул.

Со стороны штаба бежали к своим самолёткам Гнётов и Мендель. Григорий Максимович что-то кричал нам, но его голос тонул в шуме двигателей проезжающих машин.

Хреков активно жестикулировал, тыкая пальцем в приехавшего к нему главного штурмана авиации округа. Рядом с генералом стояло три экипажа вертолётчиков, полностью экипированных. Их Андрей Константинович никуда не пускал.

– Почему так поздно? Как так могли проворонить? Это же люди! – кричал генерал, надевая на голову шлем.

– Товарищ генерал, у нас техники нет. Давайте в Лашкаргах звонить, – предлагал штурман вызвать вертолёт с другой базы на западном направлении.

– Из «Ложкаревки» пока долетят, наших ребят всех положат, – выругался генерал, назвав соседнюю базу на местном военном жаргоне. – Живо координаты.

– Не пушу, товарищ генерал! Убьётесь, а я меня расстреляют, – настоятельно инженер просил генерала не садиться в вертолёт.

– Сам тебя сейчас расстреляю. ЖПВ сюда! – вырвал Хреков из рук инженера журнал приёма вертолёта перед полётом и расписался в нём. – Гаврюк, Родин! Чего встали? Бомбы подвесили? – крикнул нам генерал.

Я обернулся и увидел, как техники очень быстро цепляют на балочные держатели на крыле объёмно-детонирующие бомбы ОДАБ-500. По одной на каждую сторону.

– Заканчивают, – ответил Гаврюк.

– Поторопитесь. Там «каскадёров» в ущелье зажали. Я вас буду по поиску и спасанию обеспечивать, – сказал генерал и запрыгнул в вертолёт.

К нам подбежал Гнётов и довёл новую задачу.

– Идём звеном. Мы с Менделем атакуем с ходу, – показал Григорий Максимович место удара на карте. – Авианаводчик на месте. Позывной Торос, связь на втором канале.

– Чего срочность такая? Если их сильно зажали, зачем ОДАБы? – спросил Валера.

– Проще неуправляемыми снарядами отработать, чтоб своих не зацепить. И почему не вертолёты атакуют? – продолжил спрашивать я.

– Родин, не ко мне вопрос, – сказал Гнётов, надев перчатки. – Спецов около границы зажали. Они, похоже, в окружении сейчас бьются. Вертолёты подойти не могут. Ущелье небольшое и узкое. Со всех сторон бьют ДШК и зенитки.

– Максимыч, ты чего-то не договариваешь. Мы будем по противнику там работать или по площади? – спросил Валера.

– Гаврюк, лезь в самолёт, – сказал сквозь зубы Гнетов, злобно посмотрев на Валеру. – Это приказ.

Ну всё! Применил своё фаталити наш заместитель командира эскадрильи. У него, кстати, подвешены С-24. Ими можно более точно отработать по противнику.

– Валер, что-то не то. Чего они опять удумали? – спросил я, подходя к своему самолёту, который уже подготовили по новому варианту боевой зарядки.

– В воздухе разберёмся, – хлопнул меня по ладони Валера, и я полез в кабину.

Пока производил запуск, поглядывал за вертолёт Хрекова. Винты начали раскручиваться, а главный штурман и инженер нервно топтались неподалёку. Как генерал собрался сейчас лететь? Не боится народ погубить? Неужели все исправные вертолёты уже на заданиях?

– 733й, разрешите взлёт, – запросил генерал у руководителя полётами.

Ещё и собрался со стоянки взлетать! Если бы с полосы, по самолётному, без зависания у земли, то куда ни шло. А тут с места!

– 733й... разрешил вырулить на полосу для взлёта. Полоса свободна, ветер...733й! – воскликнул в эфир руководитель полётами, но повлиять на решение генерала он уже не мог.

Ми-8, как мяч от пола, подскочил вверх и, наклонив нос, начал разгон в метре от бетонки. Произошёл тот самый «клевок», который возможен при падении мощности на взлёте у вертолёт. Люди разбежались во все стороны, чтобы не попасть под винты. Пара секунд и вертолёт Хрекова набрал нужную скорость и взял курс в район выполнения задания.

– 118й, вырливаем, – дал мне команду Валера, и мы стронулись со своих мест.

– 117й, за нами пойдёте. Вы в зоне ожидания, а мы работаем первыми, – вышел в эфир Гнётов, который вместе с Менделем резво вырулил перед самолётом Валеры.

– Понял, – недовольно ответил ему Гаврюк.

Вот что значит пошла делёжка! Чувствует Гнетов, что операция подходит к концу, а он ещё себя не проявил. Плюс во время боя с иранцами сразу не взлетел. Хочет реабилитироваться.

Пара Григория Максимовича взлетела, и через несколько секунд в воздух поднялись и мы с Валерой.

Уходим парой на 5000 метров. Пускай и полная боевая зарядка, но самолёт хорошо управляется. Валера летит впереди слева от меня. Гнёт с Менделем на большом интервале и на 500 метров ниже.

На установленном рубеже перешли на второй канал. Эфир сразу наполнился интенсивным радиообменом. Горные вершины района боёв затянуты клубами дыма. С востока видны пуски систем «Град». И над ущельями кружат вертолёты, отстреливая по целям из блоков неуправляемыми реактивными снарядами.

– 107й, 117му, – запросил Валера Гнетова, когда мы подходили к району нашей работы.

– Ответил.

– Встаём в вираж в этом районе. Выход по команде Тороса, – доложил Валера.

– Принял, – быстро сказал нам Гнетов, который продолжал говорить недовольным тоном.

– 118й, вираж вправо, крен 45, паашли! – скомандовал Валера, и мы принялись крутиться в районе города Гуриан.

Даже с такой высоты можно разглядеть отдельные зелёные участки вдоль реки Герируд. Говорят, здесь раньше выращивали виноград, овощи, зерновые культуры. Вот такой регион противоречий – оазисы и страшная война соседствуют друг с другом.

– Торос, 107й, к вам для работы, дайте целеуказание, – запросил авианаводчика Гнёт.

В ответ ничего. Посмотрел вперёд и вижу, что пара наших товарищей продолжает свой заход в район цели.

– Торос, торос, 107му, – повторил запрос Гнёт, но в ответ опять тишина. – 733й, 107му, – запросил Гнетов Хрекова.

– Ответил. 50 километров мне до расчётной зоны дежурства, – сказал генерал.

– Торос не отвечает.

– Запрашивай дальше. Ответит, – дал указание генерал.

– 107й, 107й, – прорывается в эфир чей-то крик.

Самолёт Валеры в этот момент слегка дернулся, и его понесло мне наперерез. Пришлось уйти ниже под него, чтоб не столкнуться. Не ожидал наверняка Валера такого появления в эфире.

– 107й, ущелье на западе от Чахардель. Повторяю, Чахардель. Их много, со всех сторон. Ориентир – горящий кишлак, – надрывался авианаводчик.

– Понял. Выход на боевой подсказу, – ответил ему Гнёт.

Пара Григория Максимовича начала заход на цель. Доклад о видимости противника прозвучал. Сейчас будет пуск.

– Выходим! Выходим! – громко сказал Гнёт.

– Есть попадание! Боевой курс прежний, ориентир – сопка с каменным укреплением, скопление духов, – продолжал наводить ПАНовец, а на заднем фоне слышна плотная стрельба.

Гнёт с Менделем сделали ещё три захода, отстреляв весь комплект. По команде Хрекова, пара ушла на аэродром.

– Торос, 117й парой в зоне ожидания, – подсказал Валера, но ему не ответили.

В эфире пошли помехи вперемешку с голосом авианаводчика.

– Если кто слышит, ориентир – крепость, место удара обозначено дымом. Как приняли? – запросил авианаводчик.

В его голосе слышалась какая-то обречённость.

– Торос, я 743й, парой двух вертикальных иду к вам, подготовьте площадку, – появились в эфире ещё два вертолёт.

Я бросил взгляд вниз и увидел, как к ущелью стремятся вертолёт. Ещё минута и они выйдут в район эвакуации.

– Справа по тебе ракета!

– Ухожу, ухожу!

В эфире друг за другом звучат женские голоса, возвестившие о пожаре левого двигателя. Внизу чёрный дым и вертолёт друг за другом уходят в сторону.

– Не могу сесть. Двигатель выключил.

– Подбит, Торос, подбит! Сесть не могу, – расстроено докладывает командир пары.

– Понял, – снова обречённо говорит в эфир авианаводчик. – Есть ещё кто в воздухе?

– Торос, 117й на связи, – быстро отозвался Валера. – Четыре большие капли с собой. По две у каждого. Готовы к работе, – доложил Валера о наших боеприпасах.

– 117й, разре...

Фраза оборвалась в самом начале. Воцарилось молчание, которое нарушал просьбами об эвакуации отряд «Каскада». И ведь неслышно Хрекова. Хоть какую-нибудь дал бы команду?

– Если кто слышит, я Карпат-1. Квадрат 40-23, по улитке 5. Мы в кольце. Повторяю, мы в кольце!

Валера пробовал докричаться до авианаводчика. Ответить, что мы его слышим и готовы отработать по целям.

– 117й, я Торос, как меня принимаете? – уставшим голосом запросил нас авианаводчик.

Наконец! Правда, голос явно не ПАНа. Будто кто-то другой взял тангенту радиостанции. И какой-то совсем не бодрый голос.

– Торос, я 117й, хорошо принимаю. Готовы к работе. Дайте целеуказание, – повторил Валера.

ОДАБами работать опасно, а вот пушкой можем атаковать. Хотя бы дать нашим возможность уйти. Прорвут кольцо и отойдут ближе к позициям наших войск или к границе, где должны быть афганцы.

– 117й, от Чахардель на север. Отдельная вершина. Отметка 689.

Валера не спешил отвечать, поскольку понимал, куда нас сейчас наводят.

– Торос, 117му. Подтвердите координаты, – переспросил Гаврюк.

– Чахардель на север. Отдельная вершина. Отметка 689.

Такого ещё у меня не было. Вызывают «огонь на себя».

Глава 4

Не могу себе представить, что творится сейчас в голове Валеры. С такой боевой зарядкой, как у нас, ничего живого в этом ущелье вокруг отметки 689 не останется. Сосчитать погибших будет невозможно.

– Эллипс, 117му, – запросил командный пункт Валера.

– 117й, я Карпат-1, сейчас! – продолжали с земли призывать нанести удар по своим позициям.

– Эллипс, 117му! – крикнул в эфир Гаврюк.

– 117му, ответил Эллипс, – отозвались с борта Ан-26РТ.

– 117й, парой «весёлых» в районе Гуриана. Получили команду от Тороса на удар. Координаты 40-23, по улитке 5. Подтвердите команду на удар, – чеканя каждое слово, запросил Валера.

– 117й, я Эллипс, разрешил работу, – как ни в чём не бывало произнёс нам в ответ представитель командования с борта Ан-26РТ.

С земли продолжали передавать координаты. Просьбы о вертолётах для эвакуации уже закончились. И Хрекова нигде нет! Валера пробовал ещё раз запросить 733го, но в ответ тишина.

– 117й, как приняли. Работайте по указанию Тороса, – настойчиво повторили нам с борта Ан-26РТ. Этот голос принадлежал тому самому генерал-полковнику Пасечнику.

– Да они на себя огонь вызывают! – громко сказал в эфир Валера.

– 117й, координаты получены? – задал вопрос зам главкома ВВС, но Гаврюк не ответил. – Удар подтверждаю, – тихо сказал генерал.

И как-то на душе стало беспокойно. Ощущение, что этих ребят из «Каскада» уже нет. Будто мы уже нанесли этот удар и продолжаем крутиться, в надежде услышать от них ещё одну команду.

Валера медлил с решением. По мне, так тяжелее доли нельзя придумать.

– 118й, левый разворот, крен 45, курс 310, и... раз! – дал мне команду Гаврюк, но в каждом слове чувствовалась тяжесть принятия этого решения.

Район, куда нанесли свои удары пара Гнётова, угадывался среди гор по густому дыму. Населённый пункт Чахардель был уже на линии боевого пути. Севернее та самая отметка 689.

– Занимаем 1500. Обороты 84, – сказал Валера, и мы начали снижаться.

– Установил, – доложил я, отклонив рычаг управления двигателем в соответствующее положение.

От волнения даже спину закололо. Поглядываю на тумблер, отвечающий за работу вооружения, но рука не подымается переключить его в нужное для сброса бомб положение.

– 733й, 117му на связь! – ещё раз запросил Хрекова Валера, но и здесь они нам не ответили.

Необходимую высоту заняли. Перед точкой сброса нужно снизиться до 800 метров. Для надёжности применения этих бомб.

– «Главный» включаем, – дал команду Валера, но я не стал тянуться к тумблеру вооружения.

Ну не могу я так! На головы своих парней скинуть две бомбы. В тротиловом эквиваленте взрыв от одной бомбы равен больше чем тонна. Сплошное облако в радиусе 300 метров убьёт, разрушит, спалит всё.

– 118й, включаем «главный», – повторил Валера.

Дальномер отсчитывает до цели 10 километров. Нужно решать.

– Включил, цель наблюдаю, – ответил я, переставив тумблер в нужное положение.

На прицеле уже загорелась лампа «пуск разрешён», но мы ещё не подошли к точке сброса.
– Занимаем 1000, разгон 900, – дал команду Валера, и я добавил оборотов двигателя.

Валера вышел вперёд, как мы и договаривались на земле перед вылетом. Перед глазами уже те самые укрепления, откуда идёт стрельба. Духи окружили эти разбитые строения, пыта-
ясь выбить оттуда наших бойцов. После сброса бомб все в округе погибнут. Надеюсь, что жизни
наших ребят того стоили. И это тот самый момент, когда нельзя про нашу работу сказать, что
она самая лучшая в мире.

– До цели 5. Готов к сбросу, – доложил Валера.

– Готов, – подтверждаю я.

Скорость на приборе расчётная, цель всё ближе. Дыхание становится чаще, а сердце вот-
вот выпрыгнет из груди. Палец уже на кнопке сброса. Как же так...

– Вывод! Вывод, вашу мать! Отбой! – прокричал кто-то в эфир.

– 118й, в набор! – командует Гаврюк, но я раньше него уже набираю 2000 метров, увер-
нувшись от самолёта своего ведущего.

Чуть не сошлись мы с ним в воздухе во время выхода из атаки. Только, что за ерунда
происходит?

– Торос, 733й, наблюдаю вас. Готов забрать, – звучит в эфире бодрый голос Хрекова.

Валера дал команду развернуться на цель ещё раз, чтобы посмотреть на это чудо. Снова
вышли на боевой курс, а впереди выполняет заход на возвышенность Ми-8, отстреливающий
ловушки от ракет.

– Работаем гвоздями. Цель – северный склон, – сразу дал команду Валера, и я быстро
переключил выбор оружия на пушку.

– Готов. Цель наблюдаю, – ответил я, но Гаврюк стал смещаться вправо.

– С курсом 110 работаем. Выравнивай, – скомандовал он, и я сделал небольшой манёвр
по направлению, похожий на «змейку».

– Выполнил.

– 117й, захожу на посадку. Время загрузки минута, потом ухожу, – сказал в эфир Хреков,
который был очень напряжён в эти минуты.

Сейчас всё это скопление духов будет палить по его вертолёту. Площадки для посадки
там нет, а значит, он зависнет в сантиметрах от земли.

– Цель вижу. Внимание, огонь! – громко командует Валера и отстреливает длинную оче-
редь из пушки по духам в чёрном одеянии.

– Огонь! – жму я на кнопку стрельбы из пушки, когда Гаврюк резво уходит в набор
высоты.

Набираю 4000 метров и пристраиваюсь к Валере.

– Справа на месте, – доложил я, и мы вышли в точку начала ещё одного захода для
стрельбы.

– 733й, готовы ещё один заход сделать, – сказал в эфир Валера.

– Бомби! Бомби, говорю! – кричал Хреков, и от отметки 689 вверх медленно стал под-
ниматься его вертолёт.

Неужели этот боевой кабанчик сумел?! Давно такого чувства эйфории не испытывал.
Осталось только выполнить его указание.

– 118й, работаем каплями. Высота сброса 1000, наклон 30. Паашли! – громко командует
Валера, и я перевёл самолёт на пикирование.

– Наклон 40! – кричу я в эфир, поскольку с углом 30 не сможем мы точно сбросить ОДАБ.

– Понял, 40, – тут же соглашается Валера, и мы начинаем пикировать.

Земля быстро приближается, слегка повис на ремнях. Вижу, как чёрные силуэты бегут
во все стороны. Давление на живот повышается, а самолёт так и хочет начать выход из атаки.

– Внимание, сброс! Выходим влево! – командует Валера.

Жму на кнопку, и бомбы уходят вниз. Ручку отклонил на себя, самолёт просел и передо мной это проклятая отметка 689. Слишком большая скорость ввода была, но запаса ручки хватает вытянуть себя из этого пике. Указатель перегрузки даёт понять, что она уже равна почти 8. Давит родимая! Вжимает в кресло, форсаж включил на автоматизме, как и отстрел ловушек. Смотрю в перископ и вижу позади яркие блики диполей.

Голову поворачиваю влево и смотрю на результат. Зрелищно выглядит взрыв четырёх объёмно-детонирующих бомб. Вспышка, сплошное белое облако и ударная волна, пошла растекаться по всей территории ущелья.

– Занимаем 5000. Вух! – выдыхает Валера, а вот я ещё не совсем отошёл. Чувствую, как по спине скатываются капли пота, а во рту сильно пересохло.

Валера скомандовал сделать ещё пару виражей, чтобы уточнить местоположение Хрекова.

– 733й, 117му, – запросил Гаврюк.

– Отв... ответил, – прозвучал какой-то дрожащий голос.

Так Хреков никогда не разговаривает. Передал бразды ведения радиообмена лётчику-штурману?

– Местоположение подскажите ваше? – спросил Валера.

– Прошли Галачах... левый двигатель на малом газу, – ответил нам правак Хрекова.

При такой посадке это ещё хорошо, что только один двигатель у них не в работе. Не перестаю удивляться надёжности отечественных вертолётчиков.

Валера доложил на борт Ан-26РТ, что ребят удалось вытащить. Реакция от зама главкома была соответствующая.

– Да ну на хрен?! Это как вообще?! – отозвался он в эфир.

И вот думай теперь, то ли это он порадовался, то ли вопрос задал.

– 117й Эллипсу! – запросил Валеру генерал-полковник Пасечник.

– Ответил 117й. Цель уничтожена, группа эвакуирована. 733 идёт с курсом на Янтарь. У него левый на малом газу, – доложил Валера, но генерал-полковнику этого не хватило.

– Да как?! Откуда он взялся?! – продолжал задавать глупые вопросы Пасечник.

Так и хочется ответить, что от одного двугорбого существа взялся там вертолёт поисково-спасательного обеспечения. Постепенно мы летели в сторону Шинданда, а Ми-8 со спецназом на борту выходил на связь то с одним экипажем, то с другим. Через пару минут мы перешли на канал нашего аэродрома и начали строить заход на посадку.

При переходе под управление руководителя полётами Шинданда, передали ему о подлёте вертолёта Хрекова.

– Пожарная, медиков и КППки обязательно, – сказал в эфир Валера.

– Количество санитарок? – запросил РП.

– Много. Наверное, все.

Смотрю на указатель скорости и вижу, что мы очень быстро хотим сесть. Рычаг управления двигателем почти в положении «максимал». Чувствую, что Валера торопится сесть, чтобы встретить Хрекова. Скорость у нас на снижении большая.

– Обороты. Скорость, – сказал я в эфир, заметив, что не собирается мой командир звена тормозить.

– Садимся так. Шасси... выпускаем, – дал он мне команду, когда позади остался дальний привод.

Руководитель полётами разрешил нам посадку парой, и я начал моститься на правую сторону полосы. Прошли ближний привод, но скорость Валера гасил медленнее меня и ушёл вперёд.

– Сажусь на траверз Зей рулётки, – доложил он, что означало солидный перелёт для его уровня подготовки.

Полоса набегала, двигатель установил на малый газ и коснулся бетона в районе полосы точного приземления. Впереди приземлился и Валера.

– Парашют... выпустил! – скомандовал он, и я одновременно с ним выпустил свой.

– Выпустил, – доложил я.

Зарулили на стоянку, но в кабине задерживаться не хотелось. В эфире уже был слышен позывной 733.

– Сергеич, это он летит? – спросил меня Дубок, показав на подлетающий вертолёт.

С левой стороны валил дым. По курсу вертолёт болтало из стороны в сторону. По высоте он проседал и взмывал. Вертолёт пытался клевать носом, но его снова и снова вытягивали. Не представляю, что там творилось в грузовой кабине.

На стоянке всё внимание заходящему на посадку. Полосу ни один самолёт не занимал. Машины уже столпились на магистральной рулёжке, чтобы по команде подъехать к борту. Вертолёт прошёл торец полосы. Начинает садиться без зависания, иначе лётчику не удержать вертолёт. Попадёт в левое вращение и рухнет.

У самой полосы экипаж выровнял вертолёт, и он коснулся основными стойками шасси бетона. Слегка подскочил, повторно отделился, но снова приземлился.

– Расшибётся! – кричал кто-то из толпы.

Ещё раз Ми-8 отделился от полосы, и опять его притирают к ней. Теперь уже надёжно и без повторного прыжка.

– Ох, спасибо советским сталеварам! – схватился за голову тот самый инженер, что не пускал в вертолёт Хрекова.

Как мне показалось, этот парень за время вылета постарел на пару лет.

Освободив полосу, вертолёт остановился и стал выключаться. И тут же полосу стали занимать самолёты, чтобы уйти на задание.

Я обогнал Валеру и нескольких техников, чтобы одним из первых увидеть героев этого боя. Из грузовой кабины по одному вылезали уставшие и израненные бойцы. Кого-то тут же укладывали на носилки и несли в УАЗ «таблетку». Даже издали видно, насколько сильно забрызган кровью пол грузовой кабины вертолёта. Фюзеляж похож на дуршлаг. Даже на лопастях видны пробоины.

Досталось и кабине экипажа. Блистер со стороны командира вертолёта был прострелян.

– Сюда! Врача! – кричал бортовой техник. – К генералу! Быстрее!

– Отставить сказал! – слышался хриплый голос Хрекова.

Тут же из проёма сдвижной двери показалась знакомая физиономия. Слегка задранный кончик носа Хрекова появился первым после его слегка выпирающего живота.

– Живой! Живой! Не посадят теперь, – чуть не плакал от счастья инженер вертолётчиков.

Генерал держался за левый глаз, который сильно кровоточил. Плечо песочного комбинезона стало бордовым, а сам он еле-еле стоял на ногах. Мы с Валерой подлетели к лестнице, чтобы помочь Хрекову слезть.

– Да я сам, ребятки. Отбомбились? – спросил он.

– Так точно. Всё в цель легло, – ответил Валера, поддерживая генерала подмышку.

– Товарищ генерал, ложитесь и в госпиталь быстрее, – подбежал к нему один из врачей с двумя бойцами и носилками.

– Да погоди ты! – слегка оттолкнув доктора, он сел на край лестницы грузовой кабины.

– Надо к врачу, Андрей Константинович, – сказал я.

Послышался визг тормозов командирского УАЗика. Появился и наш Томин, который только что вылез из кабины, если судить по его мокрому комбинезону.

– Где этот инженер? – спросил генерал, осматривая своим здоровым глазом всех собравшихся.

– Я здесь, товарищ генерал, – ответил инженер, быстро появившийся рядом с докторами.

– О! Нормальный вертолёт. Тащи журнал сюда... – произнёс генерал и потерял сознание.

Глава 5

За генерала стало страшно в первые секунды его отключки. Все кинулись ему на помощь, обступив вертолёт. Кто-то из раненых отряда «Каскад» даже попытался рвануть от медсестры и помочь с переноской раненого Андрея Константиновича.

– Так, надо быстрее в госпиталь. Несите, – сказал доктор, взглянув на рану Хрекова.

Мы с Валерой тут же принялись выполнять указание медика.

– Расступились! Живо! – кричал Томин, собственноручно отталкивающий людей с дороги, когда мы с Гаврюком несли Хрекова в машину.

Он повис на наших с Гаврюком плечах. Главное – генерал был жив. Правда, взглянув на его раненый глаз уверенности в сохранении жизни не было.

– Аккуратнее. Не заденьте рану, – сказал позади нас доктор, показав нам, куда поднести Хрекова.

Кровотечение было сильным. Правая сторона моего комбинезона в пятнах крови. Я ещё раз посмотрел на рану Хрекова. В глазу, торчал небольшой осколок.

Мы аккуратно уложили генерала на носилки и двое бойцов-санитаров в белых халатах затащили его в один из УАЗ-452 модели «таблетка». Как только двери закрылись, машина тронулась с места и помчалась в сторону госпиталя. Доктор просачивался сквозь толпу народа к своей машине, не отвечая на многочисленные вопросы о состоянии здоровья генерала.

– Я не знаю, – прошёл он мимо нас, отмахиваясь от одного из бойцов «Каскада». – Ну не осматривал я его ещё! – воскликнул он, когда кто-то со спины громко спросил о том, всё ли будет в порядке с Хрековым.

– Доктор, ну, погоди. Он же дышит. Значит, не должен быть летальный исход? – спросил Гаврюк, перегородив путь доктору.

– Капитан, вы чего все ко мне пристали? Как будто сами не видели, какое ранение у генерала! – нервно крикнул доктор, но его за плечо отдёргнул Томин.

– Так, медик, быстро своё экспертное мнение, – спокойно сказал командир, картинно поправляя воротник халата доктора. – Что думаешь?

– Товарищ полковник... – нервничал доктор.

– Тебе можно просто Валерий Алексеевич. Говори, что с генералом? – снова спросил Томин, к которому подошёл тот самый командир «каскадёров» Буханкин, с которого ещё не осыпалась вся пыль.

– А вас, значит, только лётчики интересуют? – иронично спросил доктор.

– Своих я проверил. Они жить будут. Что с генералом? – громко спросил Буханкин, который раньше критично относился к авиации.

Доктор посмотрел по сторонам. Народу подошло много, и каждый молчал в ожидании ответа. Тишину нарушил только очередной взлёт пары МиГ-21, уходящих на задание, на форсаже.

– Жить будет. Крови потерял, но не смертельно. Вот только глаза, скорее всего, лишится, – сказал доктор и пошёл в машину, когда его отпустил Томин.

Новость одновременно и хорошая, и печальная. Похоже, что генерал Хреков навсегда простился сегодня с полётами. И как мне кажется, он ни секунды об этом не жалеет.

Смотрю я сейчас на бойцов «Каскада» и экипаж вертолёта. Уставшие, измазанные, кому-то тяжело сдержать слёзы. Выжили ребята, а ведь мы с Валерой чуть было не взяли большой грех на душу. И в этот момент я вспомнил про авианаводчика. Хоть раз бы увидеть этого Тороса.

– Командир, – подбежал я к Томину, который беседовал с Буханкиным, отойдя в сторону.

– Ну ничего себе у вас с субординацией проблемы! – воскликнул разведчик.

– Это ж Родин, – махнул рукой Валерий Алексеевич. – Он всегда такой простой. Чего хотел?

– Я собственно к товарищу Буханкину. Где мне можно найти Тороса? Ну, авианаводчика вашего.

– В госпиталь повезли. Контузия, ранение небольшое, плюс оглох. А в остальном, жить будет! – похлопал меня по плечу Буханкин и я спросил разрешения идти.

Пройдя несколько шагов, услышал, как за спиной Томин говорит обо мне и Валере.

– Это они? Блин! Родин! – окликнул меня Буханкин.

Когда я повернулся, разведчик уже шёл ко мне быстрым шагом.

– Я, товарищ...

– Неважно, – сказал Буханкин и протянул мне руку. – Спасибо за помощь!

Странно. Как сейчас пожать руку человеку, которого я чуть не похоронил под ударом целой тонны двух бомб. Если с иранцем был поединок и он выражал своё уважение, то здесь совесть не позволяет принять благодарность.

– Я не могу пожать вам руку, – ответил я, и поймал удивлённый взгляд Буханкина.

Да, мне не впервой быть на войне. И много смертей своих товарищей видел. Но никогда мне не доводилось стрелять по ним или сбрасывать на головы бомбы. Мозгом можно понять необходимость такого решения, но сердцем сложно. К сожалению, на войне к зову совести и сердца никто не прислушивается.

– Совесть не позволяет? – спросил Буханкин.

– Именно. Мы же вас чуть не разбомбили, – ответил я.

– Родин, ты выполнял приказ своего ведущего, а он вышестоящего командования. В той ситуации нам, кроме чуда, ничего бы не помогло. К счастью, на этой войне уже не первый раз чудо случилось, – улыбнулся он и повторно протянул мне руку.

– Это очень хорошо, – ответил я и всё же пожал руку Буханкину ради приличия.

– Поверь, я знаю, что это тяжёлое решение. Но я, мои ребята, твой командир и любой настоящий воин никогда не станет тебя винить. Любой из нас, оказавшийся на твоём месте, выполнил бы этот приказ. А потом бы жил с этим, терзая себя муками совести, – сказал Буханкин и одобрительно похлопал меня по плечу. – Честь имею, старлей!

Разведчик пошёл к своим подчинённым, которые загружались в ГАЗ-66. Странное чувство умиротворения на душе. Задача выполнена и совесть чиста.

Наступил ноябрь, а мы всё так же продолжали бить по Шаршари. Ребята из дивизии Громова и прибывшие им на подмогу десантники из двух полков уже полностью блокировали духов в горах. Иран полностью перестал поддерживать душманов.

Сбитый мной экипаж Джалила Зандий был отправлен в Иран. А в ответ Исламская республика выдала двух полевых командиров, которые прятались на их территории.

Согласен, что обмен весьма странный. Как на одних весах можно уместить двух лётчиков, которых на Родине встретили с почестями, и двух оппозиционеров, которым грозит смертная казнь?

Как раз сегодня, в первый день ноября мы и узнали эту новость. Вечером в нашей комнате Гусько высказался по поводу итогов обмена.

– Это Восток, мои дорогие. Без ста грамм... – сказал он и опрокинул внутрь стопку самогона. – Без ста грамм не разберёшься.

Странный вывод от нашего замполита, но он всегда имел на всё свою теорию.

– Савелич, а ты чего там строчишь? – спросил Гаврюк, заметив, что Гусько продолжил писать.

– Помогаю командиру подвиги ваши сочинять. Член Военного Совета прислал телеграмму, чтобы списки на поощрения готовили. Командир хочет всех наградить. А, самым лучшим образом знаете кого? – улыбнулся Гусько.

Первая мысль у меня была про Марика. С таким выражением лица Евгений Савельевич только о нём мог говорить.

– Барсова, что ли? – усмехнулся Валера.

– Очень смешно, – скривил лицо Марик, начищая свои ботинки.

– Ну, его тоже. А вообще, у нас есть кое-кто с представлением на Героя Советского Союза! – поднял большой палец вверх Евгений Савельевич.

Кого именно подают на столь высокую награду, мы узнали только на вечерних посиделках в курилке. Наш комэска Буянов по всем параметрам был одобрен вышестоящим начальством.

В представлении указали и его катапультирование, и бой с духами, и больше 400 вылетов. Когда он успел столько налетать, я так и не понял. Иван Гаврилович и сам был в шоке, когда ему назвали такую цифру.

– Я после 250ти перестал полёты на сопровождение записывать. Только на удары по наземным целям, – сказал он, попивая горячий чай в беседке.

– Гаврилыч, не скромничай. Пока ты Героя не получишь, никто у тебя в эскадрилье дальше ордена «Красного Знамени» не продвинется, – улыбнулся Томин.

– Так, командир, может тогда вам пора Героя получать? – улыбнулся Бажанян. – Я мамой клянусь, готов голосовать.

– Мне главное, чтоб все домой вернулись. Это лучше награды, – сказал командир. – Я спать, а вы не задерживайтесь. Завтра ещё работать.

Пожелав всем доброй ночи, Валерий Алексеевич пошёл в свой отдельный вагончик.

– Устал, Алексеевич. Отдохнуть ему надо, – заметил Гусько.

Вот тут с замполитом невозможно не согласиться. Все устали и хотят домой.

Следующий день оказался солнечный, как никогда. Утром на постановке командир предупредил, чтобы никто из нас не рисковал при ударах по наземным объектам. Штурмовики и вертолётчики вышли на перекур, а Валерий Алексеевич решил ещё сказать нам пару слов.

– Ребя, я предупреждаю. Достаточно на наш полк пришлось тяжёлых задач за эту войну, – с серьёзным видом сказал Томин. – Никаких сверхкрутых манёвров! Родин и Гаврюк, вас это в первую очередь касается!

– Товарищ командир, так мы... – попробовал объясниться Гаврюк, но Томин не дал ему договорить.

– Вот я тебя и Родина знаю! Постоянно рядом с вашими задницами приключения вертятся!

– А я всегда знал, что эти двое магнит геморроев, – вставил свою умную фразочку Гнётов.

– Григорий Максимович, ну вы слишком категорично отзываетесь о своих товарищах. Хорошие они ребята, зато у нас с вами нет таких болезней в пятых точках, – улыбнулся Гусько.

– За всех не говори, Евгений Савельевич. Мамой клянусь, в санаторий поеду в отпуске к себе в Ереван, – заявил Бажанян, посматривая в окно.

– Ладно, я про подвиги предупредил. Чтобы были сосредоточенными и внимательными. Кто летит на прикрытие, иранцев не трогать. Не геройствовать! – постучал по столу Томин.

– Товарищ командир, у нас пока только один претендент на звёздочку, – заметил Гусько, кивнув в сторону Буянова.

– Савельевич, не завидуй. Мне теперь до конца жизни на митинги, уроки мужества и остальные мероприятия по твоей партийно-воспитательной линии ходить, – недовольно сказал Иван Гаврилович.

– А ничего в этом плохого нет! Детей полюбишь... ой, вслух сказал! – приложил руку ко рту Томин.

По классу пробежали мелкие смешки, но Буянов грозно на всех глянул. Конечно, подкол со стороны командира мог бы оказаться чересчур грубым. При первом взгляде на Гавриловича

я подумал, что он сейчас со всеми потрохами съест Менделя – зятка. Посидел секунду комэска, подумал и начал улыбаться.

– Это вы все моей пенсии завидуете. Вам ещё всем служить и служить, а я на даче буду розы выращивать, – мечтательно заявил Буянов. – Зятёк, помогать будешь! – громко сказал комэска Менделю, который всеми силами пытался не попасться на глаза Буянову.

Хорошо, что Гаврилович спокойно иронизирует на тему подобной ситуации. Для советского общества ситуация с отношениями Алёны и Паши выглядит вульгарной и неприемлемой. А там как уж две женщины поделят этого красавца Менделя неизвестно.

Я шёл по коридору на улицу, чтобы посидеть на свежем воздухе, как со спины меня позвал Гнётов.

– Да, Максимович, – подошёл я к нему и был встречен в штыки.

– Сильно сокращаешь между нами дистанцию. Так будешь со своим командиром звена общаться, – надменно произнёс заместитель командира эскадрильи.

Ну, началось! Чего он так распетушился? Негодует, что представления на него и меня на одинаковые награды отправили?

– Так точно, товарищ майор! – громко произнёс я, и Гнётов скривился.

Понимаю что все уже устали от этой длительной командировки. Отвечать я ему не стал, чтобы не раздуть конфликт. Тем более перед его вылетом.

– Паясничай, пока есть возможность. К командиру в кабинет. Зовёт он тебя, – сказал Григорий Максимович, надев подшлемник, пошёл на выход из штаба.

Дверь кабинета была открыта. Томин давал какие-то указания кадровику, шурша бумагами.

– Илюша, я тебе сказал, что вот такие награды. Какие у тебя проблемы? – поинтересовался командир.

– Валерий Алексеевич, ну у нас столько подвигов нет, чтобы представления писать. У меня голова уже не варит, – жаловался капитан.

– Думай. Техсостав – минимум медаль «За Боевые заслуги», – сказал командир.

Я показавшись в дверном проёме и Томин тут же обратил на меня внимание.

– Родин заходит. Илья выходит, – указал на дверь кадровику Томин.

– Товарищ командир, может, про другие награды подумаем? Наверху могут не подписать, – предложил капитан.

– Только никаких благодарностей! Медали и ордена! Надо, поеду сам к Ахромееву за резолюцией, – похлопал Томин его по плечу и кадровик вышел из кабинета, захлопнув дверь. – Ты не садись. Быстро поговорим, а то мне на самолёт уже идти надо.

Валерий Алексеевич взял с сейфа свой шлем и стал доставать из него нужные для экипировки вещи.

– Спрошу тебя ещё раз – ты точно хочешь в испытатели? – с неким наездом спросил командир.

– Товарищ полковник, меня не надо в этом вопросе заставлять.

– Значит, желание не пропало. Тогда второй вопрос, готов ли ты к смене места службы ради этого?

Вот тут меня совсем в ступор вогнал Валерий Алексеевич! Сейчас как предложит после Афганистана поехать на «золотые прииски» Забайкалья, чтоб оттуда было легче свалить. А из тех мест ещё труднее уехать, чем с Туркестанского округа.

– Товарищ командир, пока не понимаю о чём вы.

– Готов или нет? – громко спросил Томин.

– Так точно! Готов!

– Я тебя понял, ребя. Есть многоходовая комбинация. Мой однокашник в прошлом году просил, если будут толковые ребята и желающие послужить в «тёплом месте», дать ему фамилии. У них в одном из полков народу почти нет в эскадрилье на МиГ-21. Поедешь?

Да что за «кот в мешке»?! Сейчас согласишься, а потом узнаешь, что поехал в условные Магдагачи. Одно хорошо, что там вертолёты вроде бы стоят, а не самолёты.

– Очень тёплое? – спросил я.

– Курорт просто! – улыбнулся Валерий Алексеевич.

– Ну вы хоть скажете, куда именно?

В кабинет постучались, и за открытой дверью показался Буянов в противоперегрузочном костюме и белом подшлемнике на голове.

– Командир, время поджигает, – указал он на часы.

– Ага, – кивнул Томин и неуклюже надел шлем без подшлемника и шлемофона. – Собственно, твоего согласия уже и не надо. Я твою фамилию ему дал.

Прекрасно! Без меня женили!

– А рапорт? – удивился я.

– Всё потом. Прилечу, ещё поговорим об этом, – сказал Томин и рванул с места.

Шлем от такого резкого движения слетел назад и полетел вниз. В нескольких сантиметрах я успел поймать снарягу своего командира. Не самый хороший знак перед полётом.

– Молодцом, Серый! Спасибо, – сказал Томин, забрав из моих рук шлем и взъерошил мне волосы на голове. – Всё будет хорошо, ребя!

С этими словами Валерий Алексеевич выпроводил меня из кабинета и вышел сам.

Внутреннее возбуждение после такой встречи, конечно, присутствует. Однако очень неопределённо высказался командир о моём будущем.

Я вышел из штаба и остановился на крыльце. Кто-то из лётчиков весело общался в беседке, кому-то требовалось разобрать полёт, пройдя по земле «пешим по лётному». Мендель нервно ходил вокруг клумбы с цветами из крыши от большого грузовика. Вот у него сейчас голова забита мыслями! Думаю, что он ещё и попросится остаться на один срок в Афгане. Только бы домой не лететь.

Когда вышел на улицу, подумал, что предложение о переводе, какой-то розыгрыш. Да и как перевод, пускай и в «тёплое место», мне поможет? Бред!

Даже если и так, то по приезде в Союз всё равно буду писать рапорта, письма, телеграммы и другие официальные бумаги во все инстанции. Если уж мне дали второй шанс на новую жизнь, буду стараться провести её в погоне за мечтой. Ведь она всегда должна быть у человека.

И почему бы не поставить себе новую цель. Лётчиком стал, так надо теперь и в испытатели рвать.

– Замечались, Сергей Сергеевич? – прозвучал за спиной голос рядового Кисель.

– И вам добрый день, Ася. Вышли на перекур? – спросил я, не поворачиваясь к девушке.

– Подышать осенней пылью Афганистана, – ответила она, встав справа от меня. – Скучно последнее время. Никто не заходит. Никто себя не показывает. Вот вышла сама посмотреть на людей. Себя показать, – сказала Кисель, говоря каким-то чарующим голосом.

– Вы в таком тоне говорите, будто колдуете, – с серьёзным видом сказал я, но Ася только слегка улыбнулась в ответ. – Сейчас у вас в кадрах народу много бывает. Представления, характеристики, рапорта и так далее. Операция же вот-вот закончится.

– Закончится одна операция и начнётся следующая. Опять много документов. Плюс к этому начинаются переводы в другие части, – с неким намёком произнесла Ася, ехидно улыбаясь.

Значит, не розыгрыш! Пытается мне намекнуть Ася, будто что-то знает.

– И ты мне, конечно, ничего не хочешь рассказать? – спросил я, посмотрев в чёрные глаза девушки.

– Я ничего не знаю, и не читала. Слышала только от капитана, что Томин уже предупредил о твоём уходе и надо заказывать ещё лётчиков в военном училище, – ответила Ася и тронула меня пальцем за кончик носа. – На чай когда зайдё... те?

– Может, скоро и зайду. Но не тешьте себя такой надеждой.

– Ой, какие мы суровые! – сказала Ася.

Брюнетка медленно облизнула свою верхнюю губу кончиком языка и подмигнула мне. На пару секунд Кисель замерла на месте, чтобы дожидаться моей реакции. На такой жест я никак не среагировал.

– Ой, всё! – скривила лицо Ася и вошла внутрь штаба.

А тем временем в воздух поднялась первая пара наших истребителей. За ним следующая. На стоянке начался всеерный запуск штурмовиков. Новый «рабочий» день.

Через час я шёл с Валерой на вылет. В зоне дежурства нужно было поменять пару Гнётова и Менделя.

– Как думаешь, Максимовичу дадут командовать эскадрильей? – спросил я у Валеры.

– Томин не очень его жалуёт. Но других кандидатов нет.

– А ты себя не рассматриваешь? – улыбнулся я, поздоровавшись с Дубком.

– Провоцируешь ты меня, Серый! Нет у меня шансов. И ты знаешь почему, – намекнул Валера на его проблемы морального характера, о которых стало известно не только командиру.

– Елисеевич, как тебе капитан Гаврюк в роли командира эскадрильи? – спросил я у Дубка, но тот слегка замялся.

– Говори, Елисеевич. Не обижусь, так и быть, – улыбнулся Валера.

– Петрович, всё у тебя хорошо. Усы только сбрить надо.

Тут я чуть не упал от смеха. Гаврюк тоже оценил шутку и показал поднятый большой вверх палец Дубку.

– По самолётам, Серый, – сказал Валера, и я пошёл осматривать свой МиГ-21.

В кабине я не торопился пристёгиваться, поскольку Валера стоял ещё на бетонке и поглядывал в небо. Включив радиостанцию, я стал прослушивать радиообмен. Как раз с задания возвращался Томин.

– Янтарь, 101й, готов через дальний зайти, – запросил он, собираясь выполнить посадку по крутой глиссаде снижения.

Так, мы все обычно и заходим в Афганистане.

– Разрешил, шасси и механизация-контроль, – дал команду руководитель полётами.

– Понял, заход.

В эфире воцарилась недолгая тишина, а затем её разорвал чей-то громкий голос.

– Манёвр! Пуск слева!

– Ухожу! Отстрел! – прозвучал голос Томина.

Я быстро отстегнулся от кресла и вылез из кабины, встав на стремянку, чтобы видеть происходящее своими глазами.

Со стороны гор тянулся спутный след от выпущенной ракеты. На стоянке всё внимание было обращено на снижающийся горящий самолёт.

Его несло то в одну сторону, то в другую. Вертикальная скорость снижения была очень большая. Самолёт был уже у самого торца полосы. Но это только обман. МиГ-21 несло на нашу стоянку.

Глава 6

Самолёт продолжил падение, превращаясь с каждой секундой в огненную стрелу. И на меня нахлынуло ощущение дежавю.

Я сам недавно попал в подобную ситуацию. Посадить удалось каким-то чудом.

Люди на стоянке бросились врассыпную, пытаясь убежать от надвигающегося крушения истребителя. Гул двигателя нарастал. В ушах слышались мужские крики и топот десятков ног.

Всё происходило словно в замедленной съёмке. Я практически успел рассмотреть бортовой номер истребителя. Когда столкновение уже было неизбежным, произошло то самое чудо.

МиГ задрал нос. Начал крутить полубочку и уходить влево к полосе. Ещё мгновение, и самолёт перевернулся кабиной вниз. Он был у самой бетонки. Томину осталось докрутить бочку и коснуться полосы.

А там попробовать удержать его на прямой. Полосы для пробега может не хватить, но есть ещё концевой участок на грунте. Остановится там. Или катапультируется. Но это всё красиво в теории звучит.

Вращение продолжалось. Консоль крыла прошла в считанных метрах от полосы.

– Направление! Направление! – выкрикнул я совершенно ненужную уже подсказку.

Ещё доли секунды, и командир справится! Сядет на полосу, и мы будем также вспоминать этот случай в курилке, как вспоминали его катапультирование.

Самолёт накренился, и закончил свой полёт. Яркая вспышка, грохот и столб огня взмыл вверх.

– Парашют? Кто видел парашют? – громко завопил кто-то на стоянке, но в ответ тишина.

Сейчас я первый, кто готов поверить в очередное чудо. Вот сейчас внезапно за моей спиной на стоянку рухнет Тomin, спустившись на парашюте. Будет ругаться и через раз называть всех «ребя». Но нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.